

В. И. Ленин (Ленин)

Том 14

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений. Том
14. Сентябрь 1906 – февраль 1907**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 14. Сентябрь 1906 – февраль 1907 / В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В четырнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные им в сентябре 1906 – феврале 1907 года.

Содержание

Предисловие	6
1906 г.	14
Партизанская война	14
I	14
II	15
III	16
IV	19
Готовится новый государственный переворот!	21
К вопросу о партизанской войне {18}	25
Опыт классификации русских политических партий	26
Заметки по поводу № 1 «Социал-демократа» {30}	30
Русский радикал задним умом крепок!	34
К итогам кадетского съезда {37}	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 14
Сентябрь 1906 – февраль 1907
Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В четырнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные им в сентябре 1906 – феврале 1907 года.

Сложившаяся к тому времени политическая обстановка в России характеризовалась продолжением спада революции и развертыванием наступления контрреволюции. После разгона I Думы и подавления июльских восстаний в Свеаборге и Кронштадте царское правительство усилило репрессии, учредило военно-полевые суды для расправы с революционными рабочими и крестьянами. Объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились в первую очередь на пролетариат и на его революционный авангард – партию большевиков. Капиталисты повели решительное наступление на рабочий класс путем проведения массовых локаутов. Промышленная депрессия, преследования правительством рабочих привели к снижению стачечного движения. В последней четверти 1906 года число стачечников уменьшилось до 63 тысяч, что составляло 13% по сравнению с числом стачечников во второй четверти того же года. Одновременно наблюдался спад и крестьянского движения: в мае – августе число уездов, охваченных движением, было 250, а в сентябре – декабре – 72.

Буржуазно-демократическая революция шла на убыль, но она не была еще окончательно подавлена. Трудящиеся массы России, поднявшиеся на борьбу, отступали с боями. В сложной обстановке отлива революции наблюдалось частичное оживление революционного движения, имели место попытки рабочих и крестьян приостановить отступление. Ленин, большевики рассматривали изменившиеся условия как временное затишье перед новым революционным подъемом.

Скрываясь от преследований царского правительства, Ленин живет в это время в Финляндии и ведет большую работу по руководству партией. Он направляет работу Петербургского комитета партии, поддерживает связь с другими комитетами, выступает на партийных конференциях и совещаниях, руководит большевистской нелегальной и легальной печатью.

Том открывается статьей «Партизанская война», в которой Ленин, анализируя опыт революции в России, обобщил различные формы революционного движения – от разрозненных экономических стачек рабочих до Всероссийской политической стачки, от мирной парламентской борьбы до массового вооруженного восстания. В этой работе Ленин сформулировал важнейшие положения, которыми должен руководствоваться каждый марксист при рассмотрении вопроса о формах революционной борьбы. Ленин показал, что марксизм не ограничивает революционное движение какой-либо одной определенной формой, а признает самые различные формы борьбы, разнообразие которых определяется ростом революционного движения и политической сознательности масс, обострением экономической и политической обстановки. Ленин раскрыл важное марксистское положение о необходимости конкретно-исторического подхода к рассмотрению вопроса о формах борьбы. В связи с этим он дал глубокий анализ партизанской войны, как одной из форм вооруженной борьбы пролетариата. Суровой критике подверг Ленин отношение к партизанской войне меньшевиков, которые, как и западноевропейские оппортунисты, объявили революционную партизанскую войну анархизмом, бланкизмом, терроризмом, действиями оторванных от масс одиночек, дезорганизуя рабочее движение. Ленин подчеркивал, что партизанская война не имеет ничего общего с терроризмом, что ее ведут не интеллигенты-заговорщики, а организованные рабочие-боевики. Разоблачая либерально-буржуазную сущность меньшевистской оценки партизанской войны, Ленин показал, что меньшевики пытались увести социал-демократию от руководства партизанской борьбой; что дезорганизуют революционное движение не партизанские выступления, а неорганизованность, неумелое руководство этими выступлениями. Нужно научиться воевать, писал Ленин. В то же время он предупредил, что партия пролетариата никогда не может считать партизан-

скую войну единственным или главным средством борьбы, партизанская война должна быть подчинена другим формам борьбы. Статья Ленина «Партизанская война» имеет большое значение для международного рабочего движения, для пролетарских партий, борющихся за национальную независимость и демократию.

Летом 1906 года царское правительство распустило не оправдавшую его надежд I Государственную думу и объявило о своем решении созвать в скором времени II Думу. В новой обстановке большевики решили принять участие во II Думе, с тем чтобы использовать ее трибуну в целях революционной агитации и обличения самодержавия и контрреволюционной буржуазии.

Вопрос об отношении революционной социал-демократии к парламентской борьбе приобрел особое значение. Всесторонняя разработка этого вопроса Лениным явилась крупным вкладом в теорию марксизма. В ряде статей, входящих в том, и особенно в работе «Социал-демократия и избирательные соглашения» Ленин разъяснил, что большевики, признавая необходимым использование парламентской формы борьбы, подчиняют ее общим интересам рабочего движения и особым задачам пролетариата в революции, используют парламентскую борьбу как средство политического просвещения масс и разоблачения политики самодержавия и буржуазии. В отличие от западноевропейских государств в России отсутствовала конституция, не было установившегося парламентского режима, вся полнота власти сохранялась в руках царского правительства. Поэтому Ленин подчеркивал, что в условиях самодержавия нельзя вырвать власть из рук помещиков и буржуазии парламентским путем. Задача большевиков состояла в том, чтобы разъяснить рабочим и крестьянам, что главной формой остается по-прежнему революционная борьба широких народных масс. Большевики беспощадно разоблачали «парламентский кретинизм» меньшевиков, считавших парламентаризм единственным и главным при всяких условиях средством политической борьбы.

Ленин учил партию строго учитывать тенденции всех действующих в политике сил для того, чтобы правильно определить свою тактику. Изменение соотношения классов в ходе революции, сложная обстановка думской борьбы требовали от социал-демократии четкого определения своего отношения к непролетарским партиям. В статьях «Опыт классификации русских политических партий», «Готовится новый государственный переворот!», «Как голосовать на выборах в Петербурге?» и других Ленин показал расстановку классовых сил, сложившуюся в результате революции, действительные устремления и интересы различных классов и партий. Давая научную классовую характеристику наиболее значительным политическим партиям в России, Ленин особо подчеркивал исключительную роль революционной социал-демократии, единственной рабочей партии, которая и по своему составу и по своей строго выдержанной пролетарской точке зрения одна только является партией сознательного и борющегося пролетариата, защищает интересы трудящихся.

Большое место в работах Ленина уделено характеристике «трудовых» партий (Трудовой группы, эсеров, энесов). Ленин показал, что в такой мелкобуржуазной, крестьянской стране, как Россия, неизбежно образование идейно шатких мелкобуржуазных «трудовых» партий, политическая неустойчивость которых отражает неустойчивое положение мелкой буржуазии. Таким партиям свойственно стремление слить пролетария с мелким производителем, затушевать их классовое различие, опереться только на крестьянство. Основная масса трудящихся шла на борьбу с помещиками и царским самодержавием за землю, за демократию, но шла неуверенно, легко поддаваясь влиянию либерально-монархической буржуазии. «Трудовые» партии были не в состоянии создать сколько-нибудь устойчивой и массовой организации, не в состоянии действовать самостоятельно. Отмечая, что исход революции в России во многом зависит от политического поведения мелких производителей, Ленин придавал большое значение правильной тактике пролетарской партии по отношению к мелкобуржуазным партиям, призывал большевиков всемерно влиять на них в пролетарском духе.

С особой силой Ленин разоблачал кадетов – партию либерально-монархической буржуазии, которая стремилась разрушить единство революционно-демократических сил и покончить с революцией. Ленин показал, что кадет – это типичный буржуазный интеллигент и либеральный помещик, все устремления его направлены на увековечивание буржуазных порядков, прекращение революции путем сделки с монархией. Предательская, контрреволюционная политика кадетов, лицемерно кричавших о «демократических свободах» и тайно договаривавшихся с царским правительством, окончательно определилась в ходе революции. «Столыпинская военно-полевая репрессия и кадетские «реформы», это – две руки одного угнетателя», – писал Ленин (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 183). Важнейшей задачей пролетариата Ленин считал беспощадное разоблачение лживого демократизма кадетов, этих «образованных» предателей русской революции. Ленин указывал, что во всех без исключения капиталистических странах буржуазные политики всегда обманывают народ, выставляя перед выборами радикальные лозунги и программы, которые забывают на другой же день после выборов. Они называют себя «и либералами, и прогрессистами, и демократами, и даже «радикалами-социалистами», *только для того*, чтобы заполучить голоса и обмануть народ» (настоящий том, стр. 143).

Ленин дал точную и исчерпывающую характеристику правым партиям – октябристам и черносотенцам. Он показал, что типичный октябрист – это крупный буржуа-делец, он не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованные самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, октябристы отбрасывают всякие свойственные кадетам претензии на «демократизм». Защита неограниченного господства царской власти сплачивает их с черносотенцами – открытыми врагами народа. Черносотенцы, писал Ленин, являются прямыми защитниками правительства военно-полевых судов, они всеми силами борются за сохранение темноты, невежества и забитости русского народа. Процесс образования и деятельность политических партий в России давали блестящее подтверждение марксистского положения относительно антинародного характера буржуазно-помещичьих партий.

Основное содержание тома составляют произведения, в которых Ленин развил и конкретизировал большевистскую тактику в избирательной кампании по выборам во II Государственную думу и подверг резкой критике оппортунистическую тактику меньшевиков. К этим произведениям относятся статьи «О блоках с кадетами», «Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии», «Политическое положение и задачи рабочего класса», «Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая?», брошюры «Социал-демократия и выборы в Думу», ««Услышишь суд глупца»... (Из заметок с.-д. публициста)» и другие. В них Ленин показал, что избирательная кампания отчетливо отразила две тактические линии: революционную и оппортунистическую. Большевики считали своей задачей в избирательной кампании разъяснение массам программных положений партии о необходимости борьбы за свержение царизма. Думская тактика большевиков была направлена на завоевание гегемонии пролетариата в общедемократической борьбе. Руководящим принципом участия в избирательной кампании большевики считали сохранение полной организационной и идейной самостоятельности партии революционного пролетариата. В прямой, принципиальной политике Ленин видел самое лучшее средство действительно прочного привлечения к социал-демократии симпатий и доверия масс. Только своей самостоятельностью, выдержанностью и твердостью пролетариат мог завоевать на свою сторону шаткую, неустойчивую мелкобуржуазную демократию.

Отстаивая полную самостоятельность партии при выборах в Думу, Ленин выдвинул тактику «левого блока», тактику временных соглашений в период выборов и в самой Думе с трудовиками и эсерами как партиями, за которыми шли тогда значительные слои революционно настроенных крестьян и городской мелкой буржуазии. Проведением «левоблокистской» тактики большевики ставили задачу освободить демократические элементы деревни и города из-под влияния либеральной буржуазии и стать во главе массового народного движения. Ленин-

ская идея «левого блока» вытекала из общей оценки характера и движущих сил революции 1905–1907 годов как буржуазно-демократической революции, совершаемой пролетариатом в союзе с крестьянством при изоляции буржуазии. В статьях «Пролетариат и его союзник в русской революции», «Задачи рабочей партии и крестьянство» Ленин указывал, что укрепление союза рабочих и крестьян должно быть основой большевистской избирательной тактики.

Ленин уделял большое внимание вопросам правильного, принципиально выдержанного проведения тактики «левого блока» на выборах во II Думу. На первой стадии выборов большевики не допускали никаких соглашений с другими партиями. Выступление пролетарской партии на выборах перед массами, подчеркивал Ленин, должно быть самостоятельным. Большевики допускали частичные соглашения лишь на второй стадии выборов (на собраниях уполномоченных и выборщиков) для распределения мест и лишь с партиями, признающими необходимость вооруженного восстания и борющимися за демократическую республику. Обосновывая политику большевиков в отношении народнических или «трудовых» партий, Ленин решительно подчеркивал, что совместные действия с этими партиями должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от большевистской программы и тактики, что идейно-политическим содержанием соглашений должно быть последовательное отстаивание социалистических целей, строго классово-пролетарской позиции пролетарской партии.

Позднее, в 1920 году, анализируя и обобщая опыт большевистской партии, Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» отмечал гибкость тактики большевиков, их умение использовать всякую, хотя бы малейшую, возможность «получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 52).

В произведениях, вошедших в том, Ленин шаг за шагом разоблачает предательскую, оппортунистическую тактику меньшевиков в период выборов во II Государственную думу. Ленин показал, что тактика меньшевиков вытекала из неверия в силы рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, в победу русской революции. Меньшевики шли в Думу не для борьбы за дальнейшее расширение революции, а для «законодательной» работы в ней, рассматривая Думу как учреждение, способное ограничить, обуздать царское правительство. Они защищали в избирательной кампании блоки с кадетами, ссылаясь на опасность усиления черносотенных партий. Ленин вскрыл всю несостоятельность доводов меньшевиков о необходимости блоков с кадетами. Избирательная кампания убедительно показывала, что правые партии не пользуются авторитетом среди трудящихся масс. Сила и живучесть идейного влияния реакции на массы заключалась не столько в черносотенном, сколько в кадетском влиянии. Поэтому, чтобы на деле разбить реакцию, указывал Ленин, партия революционного пролетариата должна освободить массы от идейного влияния кадетов.

Ленин разоблачил попытки меньшевиков затушевать коренное классовое различие между задачами пролетариата и либерально-монархической буржуазии в избирательной кампании. Он показал, что, проводя в Думу кадетов, меньшевики не только не борются с черносотенной опасностью, а, напротив, затемняют действительное значение этой опасности. Тактика меньшевиков в период выборов во II Государственную думу явилась продолжением их тактики поддержки кадетов в I Думе, где кадеты развращали массы конституционными иллюзиями, выдвигая лозунг создания думского, т. е. кадетского, министерства. Ленин отмечал, что поддержка меньшевиками лозунга кадетского министерства, также как защита прямых блоков с кадетами, являлась отказом от революционной борьбы, передачей руководства революцией в руки либерально-монархической буржуазии. Политика меньшевиков, писал Ленин, не является боевой политикой, «а есть игрушечно-конституционный бой, есть парламентский кретицизм» (стр. 115).

В работах, входящих в том, Ленин глубоко раскрывает подлинную суть оппортунизма, его типичные и характерные черты. «Оппортунизм, – писал он, – есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву ее минутным, преходящим, второстепенным интересам» (стр. 35). Произведения Ленина, направленные против оппортунизма, помогают коммунистическим и рабочим партиям разоблачать суть современного ревизионизма и вести борьбу против всех его проявлений.

Включенные в том доклад и выступления Ленина на Второй конференции РСДРП («Первой Всероссийской»), состоявшейся в ноябре 1906 года в Таммерфорсе, а также на конференциях петербургской партийной организации раскрывают упорную борьбу большевистской партии за марксистскую тактику и политику в избирательной кампании во II Думу против оппортунистической линии меньшевиков. Большинство делегатов Второй конференции РСДРП не избиралось местными партийными организациями, а было подобрано меньшевистским ЦК. Этим и объяснялось преобладание на конференции меньшевиков. Ленин выступил на конференции в защиту большевистской линии, против соглашения с кадетами. В противовес меньшевистской резолюции, принятой конференцией, Ленин от имени 14 делегатов конференции внес «Особое мнение». В этом документе, имевшем значение большевистской платформы, были кратко сформулированы основные задачи и лозунги революционной социал-демократии в избирательной кампании. Ленин предложил разъяснить народу полную непригодность Думы для осуществления коренных требований рабочих и крестьян, невозможность завоевания политической свободы, пока реальная власть находится в руках царского правительства. В «Особом мнении» большевиков подчеркивалось, что свергнуть самодержавие можно только путем вооруженного восстания. В статьях «О блоках с кадетами» и «Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина» Ленин заклеил меньшевистскую резолюцию о блоках с кадетами и показал, что она ярко выявила физиономию меньшевиков как оппортунистического крыла рабочей партии.

В январе 1907 года Ленин выступил с докладом на общегородской и губернской конференции петербургской организации РСДРП, которая должна была решить вопрос об избирательных соглашениях на выборах во II Государственную думу. Убедившись, что конференция отвергнет блоки с кадетами, меньшевики покинули ее. Однако конференция продолжала работу. В своем выступлении Ленин подверг резкой критике оппортунистическую тактику меньшевиков и подчеркнул необходимость временного соглашения с «трудовыми» партиями для организации масс на борьбу против черносотенцев и кадетов во имя дальнейшего развития революции.

В брошюрах «Социал-демократия и выборы в Думу», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика», в статьях «Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге», «Выборная кампания социал-демократии в Петербурге», «Протест 31-го меньшевика» и других Ленин полностью разоблачил дезорганизаторские и раскольнические действия меньшевиков. Ленин показал, что цель ухода меньшевиков с конференции заключалась в том, чтобы не подчиниться большинству петербургской организации, произвести раскол накануне выборов и тем самым развязать себе руки для блока с кадетами. Предательское поведение меньшевиков отвечало стремлению либеральной буржуазии расколоть рабочую партию и усилить свое влияние в избирательной кампании.

Участие в Думе, являясь более сложной, обходной тактикой, чем бойкот, требовало громадной организаторской и идейной работы в массах, чуткого реагирования на все политические и избирательные маневры самодержавия и различных политических партий. Ленин учил большевиков, как лучше, доступнее, быстрее просвещать массы, повышать их сознание, развивать их самостоятельность. Для того, чтобы доказать передовую роль пролетариата в революции, писал Ленин в брошюре «Социал-демократия и избирательные соглашения», недостаточно только изложить социалистическое учение и общую теорию марксизма. Для этого

надо уметь показать на деле, при разборе волнующих массы вопросов, что члены рабочей партии последовательнее, правильнее, решительнее и искуснее всех защищают интересы революции до полной ее победы. Ленин учил социал-демократов говорить в избирательной кампании перед трудящимися просто и ясно, решительно отбрасывая прочь «тяжелую артиллерию мудреных терминов», иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе лозунгов; уметь без лишних фраз, с фактами и цифрами в руках разъяснять вопросы социализма и вопросы революции. Указания Ленина о формах и методах разъяснительной работы в массах имеют актуальное значение для практической деятельности марксистских рабочих партий.

Массовую выборную кампанию в Думу большевики открыли ленинскими документами – «Проект обращения к избирателям» и листовкой «Кого выбирать в Государственную думу?», напечатанной в ноябре 1906 года в виде приложения к газете «Пролетарий». В них в предельно сжатой, популярной и политически острой форме даны характеристики политических партий, борющихся на выборах в Думу, разъяснялись подлинные цели и задачи этих партий. Листовка «Кого выбирать в Государственную думу?», составленная в виде вопросов и ответов, представляет собой яркий образец того, как надо кратко, доходчиво объяснять массам сложные вопросы политической жизни. Листовка призывала голосовать за социал-демократов; она получила массовое распространение и в большой мере способствовала успеху большевиков на выборах в Думу.

Ряд статей, включенных в том, посвящен подведению итогов избирательной кампании в Петербурге, которая проходила в столице с особенной остротой и, по выражению Ленина, составила «... крупный и самостоятельный этап в истории русской революции» (стр. 365). В статьях «Выборы по рабочей курии в Петербурге», «Значение выборов в Петербурге», «Итоги выборов в Петербурге» и других Ленин показал, что выборы во II Думу подтвердили правильность революционной тактики большевиков. В период выборов обрисовались как никогда истинная природа и сущность буржуазных партий. Выборы в Думу принесли успех тактике «левого блока». Несмотря на все трудности предвыборной агитации революционная социал-демократия при поддержке трудовиков и эсеров сумела вырвать из-под влияния кадетов значительное число избирателей. Левый блок в Петербурге получил 25% общего количества голосов. II Дума оказалась по составу более левой, чем первая. Только штрейкбрехерская политика меньшевиков, их измена рабочему классу сорвала полную победу левого блока в Петербурге.

Ленинская тактика в избирательной кампании во II Думу явилась образцом новой, революционно-марксистской парламентской тактики, она вооружила пролетариат России и других стран опытом сочетания легальных и нелегальных, парламентских и непарламентских форм борьбы для сплочения всех революционно-демократических сил в целях развития и победы революции.

Произведения, публикуемые в томе, глубоко проникнуты идеей борьбы за укрепление революционной марксистской партии, за чистоту ее идеологических и организационных принципов, за единство ее рядов. Показывая логическую связь между оппортунистической тактикой меньшевиков и их оппортунизмом в организационных вопросах, Ленин разоблачил меньшевистский план созвать так называемый «рабочий съезд» с участием социал-демократов, эсеров и анархистов для создания широкой «беспартийной партии». В статьях «Кризис меньшевизма», «Обывательщина в революционной среде», «Заметки по поводу № 1 «Социал-демократа»», «О созыве экстренного партийного съезда», «Рабочий съезд и слияние с эсерами» Ленин заклеил идею созыва «рабочего съезда» как оппортунистическую затею, направленную на то, чтобы растворить передовой отряд рабочего класса в мелкобуржуазной среде. Поступать так, как поступают меньшевики, писал Ленин, – это значит желать того, чтобы партию пролетариата наводнить бесхарактерными, трусливыми, неуверенными в себе и падающими духом при всяком повороте событий к реакции мещанами, сделать ядром партии обывателя. Ленин показал, что целью меньшевиков является желание легализовать партию ценой

устранения из ее программы важнейших революционных требований, перестроить партию по типу западноевропейских реформистских социалистических партий. «Лучше маленькая, серая, убогая, но спокойная законность, – писал Ленин о тактике меньшевиков, – чем бурная смена революционных порывов и контрреволюционного бешенства» (стр. 47). Уже тогда Ленин увидел в меньшевистской идее созыва «рабочего съезда» зародыш будущего «ликвидаторства» – этого открытого предательства меньшевиков. В противовес меньшевистскому плану создания «беспартийной партии», Ленин выдвинул лозунг значительного расширения социал-демократической партии преимущественно за счет пролетарских элементов и исключительно под идейным знаменем марксизма, отстоял принципы самостоятельной революционной партии рабочего класса. Жалобы меньшевиков на то, что в партии рабочего класса преобладает молодежь, Ленин расценивал как проявление хвостизма, желание меньшевиков иметь не «партию-авангард», а тяжелую на подъем партию-арьергард. Ленин подчеркнул, что партией революционного пролетариата может быть только партия смелых новаторов, самоотверженно борющихся со «старым гнильем», отвергающих слепое догматическое преклонение перед уже отжившими шаблонами.

Ленин обращает особое внимание большевиков на значение единства действий пролетариата, партийной дисциплины и организационного укрепления партии. Партийная дисциплина, разъяснял Ленин, требует беспощадной идейной борьбы против оппортунистов. Только дисциплина, основанная на свободе обсуждения и критики, достойна демократической партии передового класса.

В современных условиях, когда ревизионисты снова вытаскивают меньшевистские «теории», выступают против руководящей роли марксистско-ленинских партий, против ленинских принципов партийного строительства, исторический опыт борьбы большевиков за сохранение и укрепление партии приобретает особое значение для коммунистических и рабочих партий всех стран.

Оппортунистическая думская тактика меньшевистского ЦК и ликвидаторская идея созыва «рабочего съезда» встретили резкое осуждение со стороны подавляющего большинства местных партийных организаций. Сложившаяся внутри партии обстановка требовала немедленного созыва партийного съезда. Вопреки противодействию ЦК агитация за созыв съезда развернулась настолько широко, что уже к октябрю решение Петербургского комитета о необходимости созыва съезда поддержал ряд крупнейших организаций – Московский комитет, Областное бюро социал-демократических организаций центральной России, Главное правление Социал-демократии Польши и Литвы, Центральный Комитет Социал-демократии Латышского края. За съезд высказались также комитеты: Брянский, Курганский, Минский, Нижегородский, Омский, Уральский и другие. Под давлением местных организаций Вторая конференция РСДРП («Первая Всероссийская»), несмотря на преобладание на ней меньшевиков, постановила созвать съезд 15 (28) марта 1907 года.

В докладе на конференции петербургской организации по вопросу о думской кампании и думской тактике (февраль 1907 года), в статье «О созыве экстренного партийного съезда» и других работах Ленин, последовательно отстаивая внутрипартийные принципы демократического централизма, настойчиво защищает необходимость экстренного созыва съезда партии. Важнейшая задача партийного съезда заключалась в том, чтобы определить основные задачи пролетариата и его партии, выработать единую тактику социал-демократии в переживаемый момент буржуазно-демократической революции. Всякая задержка нового партийного съезда, указывал Ленин, – «является теперь не только прямым нарушением всего духа и всего смысла демократической организации партии, но также самой опасной помехой ближайшей думской и общереволюционной борьбе пролетариата» (стр. 65).

В том включено предисловие Ленина к русскому изданию писем К. Маркса к Л. Кугельману. В предисловии Ленин указывает на огромное теоретическое и политическое значе-

ние писем Маркса. Изучение этих писем, опубликованных впервые на русском языке, давало возможность русским социал-демократам ближе познакомиться с важнейшими положениями марксизма по вопросам революционной борьбы пролетариата. В письмах Маркса большевики находили много важных указаний, применимых к непосредственным задачам русской революции. Ленин использует письма Маркса как теоретическое оружие в борьбе с оппортунизмом меньшевиков. Он показал, как Маркс в самое тяжелое для рабочего движения время умел предвидеть близость революции и поднимать сознание пролетариата до передовых, революционных задач. Оценку Маркса Парижской Коммуны как проявления исторической инициативы масс Ленин назвал «венцом» писем к Кугельману. Полные революционной страсти слова Маркса о героизме рабочих Коммуны он противопоставляет меньшевистскому неверию в силы революции. Русским меньшевикам, писал Ленин, следовало бы поучиться у Маркса «вере в революцию, уметь звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции» (стр. 374–375). Ленин подчеркивал, что в отношении Маркса к революции ярко проявилась характерная черта марксизма – соединение революционной теории с революционной политикой, неразрывное единство теории и практики классовой борьбы пролетариата. Только большевики – представители и идеологи революционного пролетариата – твердо и мужественно боролись под революционными лозунгами. «Мы будем гордиться тем, – писал Ленин, – что *первые* вступили на путь восстания и *последние* покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен» (стр. 169). Обобщая опыт революционной борьбы, Ленин высоко оценивал героическую инициативу русских рабочих и крестьян в революции 1905–1907 годов; его произведения проникнуты безграничной верой в силы русского рабочего класса, в его революционное творчество и неизбежность победы. «Рабочий класс России, – писал Ленин, – доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо»» (стр. 379).

* * *

В четырнадцатый том включены публикуемые впервые доклад, заключительное слово и выступления Ленина на Второй конференции РСДРП («Первой Всероссийской»). Впервые в томе печатаются полный текст «Особого мнения», внесенного Лениным на конференцию, статья «Рабочий съезд и слияние с эсерами» и доклад Ленина на общегородской и губернской конференции петербургской организации РСДРП в январе 1907 года.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1906 г.

Партизанская война

Вопрос о партизанских действиях сильно интересует нашу партию и рабочую массу. Мы уже затрагивали неоднократно этот вопрос мимоходом и теперь намерены приступить к обещанному нами более цельному изложению наших взглядов¹.

I

Начнем с начала. Какие основные требования должен предъявить всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Во-1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая *неизбежность* новых, неизвестных для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учит*, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы. Мы знаем, – говорил, например, Каутский, рассматривая формы социальной революции, – что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь.

Во-2-х, марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития – значит покидать совершенно почву марксизма.

Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться. История марксизма в Западной Европе дает нам бездну примеров, подтверждающих сказанное. Европейская социал-демократия считает в данное время парламентаризм и профессиональное движение главными формами борьбы, она признавала восстание в прошлом и вполне готова признать его, с изменением конъюнктуры, в будущем, – вопреки мнению либеральных буржуа, вроде русских кадетов^[1] и беззаглавцев^[2]. Социал-демократия отрицала всеобщую стачку в 70-х годах, как социальную панацею, как средство сразу свергнуть буржуазию неполитическим путем, – но социал-демократия вполне признает массовую политическую стачку

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 365. *Ред.*

(особенно после опыта России в 1905 г.), как *одно* из средств борьбы, необходимое при *известных* условиях. Социал-демократия признавала уличную баррикадную борьбу в 40-х годах XIX века, – отвергала ее на основании определенных данных в конце XIX века, – выражала полную готовность пересмотреть этот последний взгляд и признать целесообразность баррикадной борьбы после опыта Москвы, выдвинувшей, по словам К. Каутского, новую баррикадную тактику.

II

Установив общие положения марксизма, перейдем к русской революции. Припомним историческое развитие выдвинутых ею форм борьбы. Сначала экономические стачки рабочих (1896–1900), затем политические демонстрации, рабочих и студентов (1901–1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов 1902, летние стачки 1903, 9-ое января 1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (1905, декабрь), парламентская мирная борьба (апрель – июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905 – июль 1906 гг.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 – осень 1906 годов).

Таково положение дел к осени 1906 г. с точки зрения форм борьбы вообще. «Ответной» формой борьбы самодержавия является черносотенный погром, начиная от Кишинева весной 1903 года и кончая Седлецом осенью 1906 года^[3]. За весь этот период организация черносотенного погрома и избиения евреев, студентов, революционеров, сознательных рабочих все более прогрессирует, совершенствуется, объединяя с насилием подкупленной черни насилия черносотенного войска, доходя до применения артиллерии в селах и городах, сливаясь с карательными экспедициями, карательными поездами и так далее.

Таков основной фон картины. На этом фоне вырисовывается, – несомненно, как нечто частное, второстепенное, побочное, – то явление, изучению и оценке которого посвящена настоящая статья. Что представляет из себя это явление? каковы его формы? его причины? время возникновения и степень распространения? его значение в общем ходе революции? его отношение к организуемой и руководимой социал-демократией борьбе рабочего класса? Таковы вопросы, к которым мы должны теперь перейти от обрисовки общего фона картины.

Интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую* частью) не принадлежат ни к какой революционной организации. Вооруженная борьба преследует две *различные* цели, которые необходимо *строго* отличать одну от другой; – именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; – во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей)^[4] шли именно на революционные партии в первую голову, – мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание «экспроприаторов». Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906 году, т. е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы.

Как «ответную» форму борьбы со стороны самодержавия следует рассматривать военное положение, мобилизацию новых войск, черносотенные погромы (Седлец), военно-полевые суды.

III

Обычная оценка рассматриваемой борьбы сводится к следующему: это – анархизм, бланкизм^[5], старый террор, действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отталкивающие от них широкие круги населения, дезорганизирующие движение, вредящие революции. Примеры, подтверждающие такую оценку, легко подыскиваются из сообщаемых каждый день в газетах событий.

Но доказательны ли эти примеры? Чтобы проверить это, возьмем местность с *наибольшим* развитием рассматриваемой формы борьбы – Латышский край. Вот как жалуется на деятельность Латышской социал-демократии газета «Новое Время»^[6] (от 9-го и 12-го сентября). Латышская социал-демократическая рабочая партия (часть РСДРП) правильно выпускает в 30 000 экземплярах свою газету^[7]. В официальном отделе печатаются списки шпионов, уничтожение которых есть обязанность каждого честного человека. Содействующие полиции объявляются «противниками революции» и подлежат казни, отвечая кроме того своим имуществом. Деньги для партии с.-д. приказывают населению передавать лишь по предъявлении квитанции с печатью. В последнем отчете партии среди 48 000 руб. дохода за год значится 5600 руб. от Либавского отделения на оружие, добытые путем экспроприации. – «Новое Время» рвет и мечет, понятно, против этого «революционного законодательства», этого «грозного правительства».

Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому, что здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь. В применении ко всей России эта связь не так ясно видна, но она существует. Распространение «партизанской» борьбы именно после декабря, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны. Старый русский терроризм был делом интеллигента-заговорщика; теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий боевик или просто безработный рабочий. Бланкизм и анархизм легко приходят в голову людям, склонным к шаблонам, но в обстановке восстания, столь ясной в Латышском крае, непригодность этих заученных ярлычков бьет в глаза.

На примере латышей ярко видна полная неправильность, ненаучность, неисторичность столь обычного у нас анализа партизанской войны вне связи с обстановкой восстания. Надо принять во внимание эту обстановку, подумать об особенностях промежуточного периода между крупными актами восстания, надо понять, какие формы борьбы порождаются при этом неизбежно, а не отделяться заученным подбором слов, одинаковых и у кадета и у нововременца: анархизм, грабеж, босячество!

Говорят: партизанские действия дезорганизуют нашу работу. Применим это рассуждение к обстановке после декабря 1905 г., к эпохе черносотенных погромов и военных положений. Что больше дезорганизует движение в *такую* эпоху: отсутствие ли отпора или организованная партизанская борьба? Сравните центральную Россию с западной ее окраиной, с Польшей и Латышским краем. Несомненно, что партизанская борьба гораздо шире распространена и выше развита на западной окраине. И так же несомненно, что революционное движение вообще, с.-д. движение в особенности *больше дезорганизованы* в центральной России, чем в западной окраине ее. Конечно, нам в голову не приходит выводить отсюда, что польское и латышское с.-д. движение менее дезорганизованы *благодаря* партизанской войне. Нет. Отсюда следует только, что партизанская война неповинна в дезорганизации с.-д. рабочего движения в России 1906 года.

Тут нередко ссылаются на особенность национальных условий. Но эта ссылка выдает в особенности ярко слабость ходячей аргументации. Если дело в национальных условиях, значит дело не в анархизме, бланкизме, терроризме – грехах общероссийских и даже специально русских, – а в чем-то ином. Разберите это что-то иное *конкретно*, господа! Вы увидите тогда, что национальный гнет или антагонизм ничего не объясняют, ибо они были всегда на западных окраинах, а партизанскую борьбу родил только данный исторический период. Есть много мест, где есть национальный гнет и антагонизм, но нет партизанской борьбы, развивающейся иногда без всякого национального гнета. Конкретный разбор вопроса покажет, что дело не в национальном гнете, а в условиях восстания. Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне.

Дезорганизуют движение не партизанские действия, а слабость партии, не умеющей *взять в руки* эти действия. Вот почему обычные у нас, русских, анафемы против партизанских выступлений соединяются с действительно дезорганизующими партию тайными, случайными, неорганизованными партизанскими действиями. Бессильные понять, какие исторические условия вызывают эту борьбу, мы бессильны и парализовать ее дурные стороны. А борьба тем не менее идет. Ее вызывают могучие экономические и политические причины. Мы не в силах устранить эти причины и устранить этой борьбы. Наши жалобы на партизанскую борьбу, это – жалобы на нашу партийную слабость в деле восстания.

Сказанное нами о дезорганизации относится и к деморализации. Деморализует не партизанская война, а *неорганизованность*, беспорядочность, беспартийность партизанских выступлений. От этой *несомненной* деморализации нас ни капли не избавляют осуждения и проклятия по адресу партизанских выступлений, ибо эти осуждения и проклятия абсолютно бессильны остановить явление, вызываемое глубокими экономическими и политическими причинами. Возразят: если мы бессильны остановить ненормальное и деморализующее явление, то это не довод за переход *партии* к аномальным и деморализующим средствам борьбы. Но такое возражение было бы уже чисто либерально-буржуазным, а не марксистским, ибо считать *вообще* аномальной и деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма.

В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*. Это абсолютно неоспоримо. Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказать *нецелесообразность* тех или иных форм гражданской войны в тот или иной момент. Критику различных форм гражданской войны с точки зрения *военной целесообразности* мы вполне признаем и безусловно соглашаемся, что решающий голос в *таком* вопросе принадлежит практикам с.-д. каждой отдельной местности. Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, чтобы от анализа условий гражданской войны не отделялись избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме, чтобы бессмысленные приемы партизанских действий, примененных такой-то пепеэсовской организацией^[8] в такой-то момент, не выдвигались как пугало по вопросу о самом участии с.-д. в партизанской войне вообще.

К ссылкам на дезорганизацию движения партизанской войной надо относиться критически. *Всякая* новая форма борьбы, сопряженная с новыми опасностями и новыми жертвами, неизбежно «дезорганизует» неподготовленные к этой новой форме борьбы организации. Наши старые кружки пропагандистов дезорганизовывал переход к агитации. Наши комитеты дезорганизовывал впоследствии переход к демонстрациям. Всякое военное действие на какой

угодно войне вносит известную дезорганизацию в ряды воюющих. Отсюда нельзя выводить, что не следует воевать. Отсюда надо выводить, что следует *научиться* воевать. Только и всего.

Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят? По всей стране идут вооруженные стычки и схватки черносотенного правительства с населением. Это явление абсолютно неизбежное на данной ступени развития революции. Население стихийно, неорганизовано – и именно поэтому часто в неудачных и *дурных* формах – реагирует на это явление тоже вооруженными стычками и нападениями. Я понимаю, что мы в силу слабости и неподготовленности нашей организации можем отказаться в данной местности и в данный момент от партийного руководства *этой* стихийной борьбой. Я понимаю, что этот вопрос должны решать местные практики, что переработка слабых и неподготовленных организаций дело нелегкое. Но когда я вижу у теоретика или публициста социал-демократии не чувство печали по поводу этой неподготовленности, а горделивое самодовольство и нарциссовски-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме, тогда мне становится обидно за унижение самой революционной в мире доктрины.

Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, боснякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого *последнего* условия *все*, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям сверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, проституруются. Стачки, предоставленные стихийному ходу вещей, извращаются в «Alliances» – соглашения рабочих с хозяевами *против* потребителей. Парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народной свободой», «либерализмом», «демократией», республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д., и т. д. Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы, таких, которые отгораживали бы пролетариат китайской стеной от слоев, стоящих немного выше или немного ниже его. Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, *всегда* обставляя применение их *строго* определенными идейными и организационными условиями²^{175}^{176}.

² Большевиков с.-д. часто обвиняют в легкомысленно-пристрастном отношении к партизанским выступлениям. Нелишне поэтому напомнить, что в проекте резолюции о партизанских действиях (№ 2 «Партийных Известий»^{175}) и доклад Ленина о съезде^{176}) та *часть* большевиков, которая их защищает, выдвигала следующие условия их признания: «экссы» частного имущества не допускались вовсе; «экссы» казенного имущества не рекомендовались, а только *допускались* под условием *контроля партии* и обращения средств *на нужды восстания*. Партизанские действия в форме террора *рекомендовались* против насильников правительства и *активных* черносотенцев, но при условиях: 1) считаться с настроением широких масс; 2) принимать во внимание условия рабочего движения данной местности; 3) заботиться о том, чтобы силы пролетариата не растрчивались понапрасну. Практическое отличие от этого проекта той резолюции, которая была принята на Объединительном съезде, состоит *исключительно* в том, что не допущены «экссы» казенного имущества.

^{175} «Партийные Известия» — нелегальная газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского Центрального Комитета и меньшевистской Организационной комиссии. Газета выходила в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Всего вышло 2 номера – 7 (20) февраля и 20 марта (2 апреля) 1906 года. Редакция «Партийных Известий» была создана из равного числа редакторов большевистского («Пролетарий») и меньшевистского (новая «Искра») органов. От большевиков в редакцию входили В. А. Базаров, В. В. Боровский и А. В. Луначарский. За подписью «Большевик» в «Партийных Известиях» были напечатаны статьи Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии» (№ 1) и «Русская революция и задачи пролетариата» (№ 2). После IV съезда РСДРП издание «Партийных Известий» было прекращено.

^{176} Имеется в виду «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» (см. В. И. Ленин.

IV

Формы борьбы в русской революции отличаются гигантским разнообразием по сравнению с буржуазными революциями Европы. Каутский отчасти предсказал это, говоря в 1902 году о том, что будущая революция (он добавлял: за исключением, *может* быть, России) будет не столько борьбой народа с правительством, сколько борьбой между двумя частями народа. В России мы видим, несомненно, более широкое развитие этой *второй* борьбы, чем в буржуазных революциях Запада. Враги нашей революции из среды народа малочисленны, но они организуются все больше и больше с обострением борьбы и получают поддержку реакционных

Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 1–66). *Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП* состоялся в Стокгольме 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 года. Перед съездом, во второй половине февраля, В. И. Ленин разработал тактическую платформу большевиков – проект резолюций съезда по всем основным вопросам революции. Резолюции большевиков призывали трудящиеся массы к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Меньшевики выдвинули к съезду свою тактическую платформу, в которой по существу отказывались от революционной борьбы. По этим платформам проходили выборы на съезд. Кампания по обсуждению обеих платформ и выборам делегатов на съезд продолжалась около двух месяцев. В результате ее большинство партийных организаций высказалось за большевистскую платформу. На съезде присутствовало 112 делегатов с решающим голосом, представлявших 57 местных организаций РСДРП, и 22 делегата с совещательным. На съезде были представлены национальные организации: по три представителя от социал-демократии Польши и Литвы, Бунда и Латышской социал-демократической рабочей партии, по одному представителю от Украинской социал-демократической рабочей партии и Финляндской рабочей партии. Кроме того, на съезде присутствовал представитель Болгарской социал-демократической рабочей партии. В числе делегатов-большевиков были В. И. Ленин, В. В. Боровский, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Ф. А. Сергеев (Артем), И. И. Скворцов-Степанов, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский. Большинство на съезде принадлежало меньшевикам. Это объяснялось тем, что многие большевистские партийные организации, возглавлявшие вооруженные выступления масс, были разгромлены и не смогли прислать своих делегатов. Центр, Урал, Сибирь, Север – оплоты большевиков – были представлены небольшим количеством делегатов. Меньшевики же, имевшие наиболее многочисленные организации в непромышленных районах страны, где не было массовых революционных выступлений, получили возможность послать больше делегатов. Съездом был принят следующий порядок дня: 1) Пересмотр аграрной программы; 2) О современном моменте и классовых задачах пролетариата; 3) Вопрос о тактике по отношению к итогам выборов в Государственную думу и к самой Думе; 4) Вооруженное восстание; 5) Партизанские выступления; 6) Временное революционное правительство и революционное самоуправление; 7) Отношение к Советам рабочих депутатов; 8) Профессиональные союзы; 9) Отношение к крестьянскому движению; 10) Отношение к различным несоциал-демократическим партиям и организациям; 11) Отношение к требованию особого учредительного собрания для Польши в связи с национальным вопросом в партийной программе; 12) Организация партии; 13) Объединение с национальными социал-демократическими организациями (СДКПиЛ, ЛСДРП, Бунд); 14) Отчеты; 15) Выборы. Однако повестка дня полностью не была исчерпана. Съездом обсуждались вопросы: 1) Пересмотр аграрной программы; 2) Оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата; 3) Отношение к Государственной думе; 4) Вооруженное восстание; 5) Партизанские выступления; 6) Объединение с национальными с.-д. партиями и 7) Устав партии. По всем вопросам на съезде шла ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Ленин выступал с докладами и речами по аграрному вопросу, об оценке современного момента и классовых задачах пролетариата, об отношении к Государственной думе, о вооруженном восстании и по другим вопросам; участвовал в комиссии по выработке проекта устава РСДРП. Численное преобладание большевиков на съезде определило характер решений съезда. После упорной борьбы съезд утвердил меньшевистские резолюции о Государственной думе, о вооруженном восстании, принял аграрную программу меньшевиков. По вопросу об отношении к буржуазным партиям съезд ограничился подтверждением резолюции международного Амстердамского конгресса. Без обсуждения съезд принял компромиссную резолюцию о профессиональных союзах и резолюцию об отношении к крестьянскому движению. Вместе с тем по требованию партийных масс съезд принял ленинскую формулировку первого параграфа устава, отбросив, таким образом, оппортунистическую формулировку Мартова. Впервые была включена в устав большевистская формулировка о демократическом централизме. На съезде был решен вопрос об объединении с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы и с Латышской социал-демократической рабочей партией, которые вошли в состав РСДРП как территориальные организации, ведущие работу среди пролетариата всех национальностей данной территории. Съезд принял также проект условий объединения с Бундом, но в специальной резолюции решительно высказался против организации пролетариата по национальностям. На съезде по инициативе Украинской социал-демократической рабочей партии был поставлен вопрос об объединении с УСДРП, однако соглашение с ней не состоялось ввиду ее мелкобуржуазного националистического характера. В состав Центрального Комитета, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков. Редакция Центрального Органа, газеты «Социал-Демократ», была составлена только из меньшевиков. Съезд вошел в историю партии как «Объединительный». Но на съезде осуществилось лишь формальное объединение РСДРП. На деле меньшевики и большевики имели свои взгляды, свою платформу по важнейшим вопросам революции и фактически представляли собой две партии. Борьба на съезде вскрыла перед партийными массами содержание и глубину принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками. Материалы съезда давали возможность членам партии и сознательным рабочим разобраться в идейной борьбе, яснее и глубже понять революционную линию большевиков. Сразу же после съезда Ленин написал от имени делегатов-большевиков обращение к партии, в котором дал принципиальную оценку решений IV съезда, разоблачил оппортунизм меньшевиков.

слоев буржуазии. Совершенно естественно и неизбежно поэтому, что в *такую* эпоху, в эпоху всенародных политических стачек, *восстание* не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью. Совершенно естественно и неизбежно, что восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так, – а это несомненно так, – то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов должна ставить своей задачей не только участие, но и руководящую роль в *этой гражданской войне*. Социал-демократия должна воспитывать и готовить свои организации к тому, чтобы они действительно выступали, как *воюющая сторона*, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля.

Это – трудная задача, слов нет. Ее нельзя решить сразу. Как перевоспитывается и учится в борьбе весь народ в ходе гражданской войны, так и наши организации должны быть воспитаны, должны быть на основании данных опыта перестроены для того, чтобы удовлетворить этой задаче.

Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России. Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос *направления* в социал-демократии. Но мы видим свою задачу в том, чтобы помочь по мере сил правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью; – в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и предрассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его разрешению.

«Пролетарий» № 5, 30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Готовится новый государственный переворот!

Письмо Гучкова к Трубецкому^[9] долго занимало и частью продолжает занимать нашу политическую прессу, если можно назвать этим именем рептильные и немногие уцелевшие либеральные газеты. Письмо это действительно имеет известное значение. Оно знаменует крупный шаг в развитии контрреволюционного направления среди широких слоев российской крупной буржуазии. Для этих слоев уже октябрьская политическая стачка^[10] сыграла роль решительного поворотного пункта. Крупный буржуа сразу сказал: «довольно!» после 17-го октября^[11]. И потому оригинальной – и очень характерной – чертой русской революции оказалось то, что датой конституционного манифеста воспользовались, как названием партии, крупнобуржуазные элементы, вставшие на сторону царского правительства, которое принялось приспособлять новую конституцию к самодержавию. Октябрь – дата единственной до сих пор частичной победы революции в России. Октябристами^[12] – называется у нас партия контрреволюционной крупной буржуазии.

Классовые противоречия русской революции рельефно выражаются в этом противоречивом сопоставлении. Объяснение ему дает марксистский взгляд на современную революцию в России. Это – революция буржуазная. Она во всяком случае очищает почву для более широкого и быстрого развития капитализма. Считать победой «трудового начала», переходом к «социализации», полное торжество революционного крестьянства в борьбе за землю есть сплошная мелкобуржуазная иллюзия. Но неизбежное очищение почвы для капитализма может пойти по двум крупным линиям. Преобразование крепостной России в буржуазную возможно при условиях, обеспечивающих наибольшее мыслимое при капитализме благосостояние масс крестьянства и пролетариата. Оно возможно также при условиях, обеспечивающих больше всего интересы имущих классов, помещиков и капиталистов. До сих пор наша революция идет по второму пути. И если она не одержит более ни одной крупной победы, то не может подлежать сомнению, что душеприказчиками российской революции окажутся контрреволюционные буржуа октябристы, – подобно тому, как душеприказчиком половинчатой немецкой революции 1848 года оказался юнкер Бисмарк.

Г-н Гучков – человек не совсем глупый. Он уже предвкушает это удовольствие взять в руки, после окончательного поражения революции, бразды правления и соединить деловой, гешефтмахерский буржуазный «либерализм» с беспощадной военно-полицейской репрессией против недовольных «низов». Как практичный, безыдейный буржуазный делец, г. Гучков лучше схватил действительное политическое положение, чем многие философы и фразеры нашей буржуазной интеллигенции. (*L'ignorance est moins éloignée de la vérité que le préjugé!* – невежество менее далеко от истины, чем предрассудок.) Г. Гучков сводит на землю буржуазные идеалы кадетов. В этом отношении особенно знаменательно следующее место его письма, не оцененное нашей рабской печатью:

«Теперь несомненно, – пишет Гучков к Трубецкому, – что торжество революции или даже новое обострение революционного кризиса похоронит и нашу молодую политическую свободу, и остатки нашей культуры и благосостояния».

Это – замечательно верная и замечательно меткая оценка теперешнего политического положения с точки зрения интересов капиталиста и помещика. Г. Гучков берет быка за рога. Весь гвоздь теперешнего политического положения действительно в том, предстоит ли нам *новое обострение революционного кризиса*. Мы благодарим вас за откровенность, г. Гучков! Мы вполне понимаем, что буржуазным профессорам и дипломатам из «Речи» не нравится ваша решительность, прямота, быстрота и натиск, ваша – простите за вульгарное выражение – способность «ляпать», но мы, социалисты, премного восхищены этой способностью. Нам она на руку.

Итак, кто хочет серьезно поставить вопрос о современном политическом положении, тот должен вполне ясно определить свое отношение к *новому обострению революционного кризиса*. Г. Гучков так и делает. «Я против», заявляет он всем своим письмом. Я подчиняю все и вся интересам борьбы с этим обострением, интересам подавления всего, что ведет к нему. Причина ясна. Новое обострение грозит *торжеством революции*, которое, в свою очередь, грозит «остаткам»... помещичьих имений гг. Гучковых, Романовых, Столыпиных и прочей шайки погромщиков, «остаткам» буржуазных привилегий, способных служить защитой от дальнейшей борьбы пролетариата, одним словом, «остаткам *нашего* (Гучковых, Романовых, Столыпиных) благосостояния».

Правильно рассуждает г. Гучков, гораздо правильнее и последовательнее, чем вопиющие ныне против него кадеты, которые в лице разных Виноградовых, Струве, Изгоевых, Бердяевых, Милюковых сотни раз оплакивали грядущие похороны «свободы и культуры» при торжестве «стихии безумия».

И революционерам тоже не мешает поучиться у реакции уменью последовательно ставить вопрос о современном политическом положении, *то есть* о «новом обострении революционного кризиса». Это обострение неизбежно будет означать еще более массовое выступление, чем прежде, обогащенное опытом великого года великой российской революции. А опыт этого года, начиная с октябрьской стачки через декабрьское восстание^[13], через мирную Думу и разгон ее^[14], ведет к наступательному всероссийскому вооруженному восстанию с забастовкой, как побочным и подсобным средством борьбы.

Правительство всю свою политику приспособило к этому, всеми ожидаемому, новому обострению революционного кризиса. Несомненно, оно умышленно не назначило срока выборов в новую Думу, чтобы оставить себе свободными руки, чтобы попытаться в случае сильного обострения всенародной борьбы раздробить ее внезапным назначением выборов. Несомненно также, что самый вопрос о том, созывать ли новую Думу и *оставлять ли старый избирательный закон*, правительство внимательнейшим образом изучает теперь с той же самой точки зрения. И к этому вопросу социал-демократия менее всего имеет право отнестись беззаботно.

Перед правительством стоит дилемма: попытаться еще раз созвать Думу на основании действующего избирательного закона, при усилении репрессий, давления на выборы, организации черносотенцев, – или изменить *перед* второй Думой избирательный закон так, чтобы наверняка обеспечить «рабоспособную», т. е. черносотенную Думу. Реакция в среде помещичьего класса, победы черносотенных помещиков в земстве, явный рост недовольства в народе, – все это прямо подсказывает правительству немедленную отмену действующего избирательного закона, ограничение избирательного права в духе возврата от виттевской Думы к булыгинской^[15], а то и еще похуже, или просто созыв выборных от земств во вторую Думу. Рептили нашей печати пробалтываются уже насчет таких планов в «сферах», т. е. среди придворной шайки, и готовят почву, доказывая «право» самодержавия издать без Думы новый избирательный закон.

Рассмотрим, какой из этих «курсов» правительственной политики вероятнее. За сохранение избирательного закона 11-го декабря^[16] говорит конституционная «законность», политическая осторожность, лояльность. Как видите, это все «идеальные» соображения, на которые плевать привыкли Романовы и Победоносцевы. Да и смешно, в самом деле, думать, что подобными соображениями станут руководиться с ног до головы покрытые кровью и грязью люди, отстаивающие в последней, отчаянной борьбе свои рабовладельческие права. Смешно думать, чтобы царскую шайку смущала «законность», когда шайка не смущалась ни изданием того же закона 11-го декабря, закона 20 февраля^[17] и т. д., не смущается и теперешним сплошным надругательством над «законом». Нет, все эти доводы мизерны!

Мнение Европы? Необходимость получить заем? Эта необходимость – самая настоятельная. И европейский капитал даст деньги лишь под гарантией «порядка». Но какой это «поря-

док», – капиталу безразлично, и даже порядок кладбища для него симпатичнее. А ведь вторая кадетская (или, боже упаси, или более левая!) Дума обещает новые финансовые разоблачения, новый «беспорядок»! Нет, именно с точки зрения европейского займа правительству весь расчет отменить теперешний избирательный закон, чтобы обеспечить черносотенную Думу и принятие ею всех и всяческих займов.

Конечно, нельзя забывать того, что по существу дела соглашение между самодержавием и либерально-монархической буржуазией *необходимо* в силу самых глубоких экономических и политических причин. Неудача первой попытки соглашения через первую Думу отнюдь еще не свидетельствует и не может свидетельствовать о неудаче всех таких попыток, – а их будет еще очень и очень много. Но именно через кадетскую Думу соглашение теперь нельзя считать (и самодержавие не может считать) особенно вероятным.

Революционеры учатся у опыта революции, но и самодержавие тоже учится у него и учится очень внимательно. Надежды на более правый состав Думы при существующем избирательном законе совершенно ничтожны, это все видят. Время созыва второй Думы падает как раз на конец зимы, когда голод, безработица, нужда широких народных масс достигают обыкновенно особого обострения. Партии, стоящие левее кадетов, несомненно, гораздо менее будут склонны теперь, чем прежде, идти на поводу у либерально-монархической буржуазии, гораздо более будут способны к самостоятельным, решительным и активным политическим действиям. Нет! Мы не должны делать себе иллюзий, представлять врага совсем уже неумным, недогадливым, неосмотрительным. Мы не должны сомневаться в том, что «богатые мысли и дела» черносотенного правительства напрягают теперь все усилия к тому, чтобы сделать невозможным повторение опыта кадетской Думы.

Разгон Думы показал правительству, что немедленного восстания, широкого и всенародного не произошло. Подготовленный в тиши и в тайне *coup d'état* (государственный переворот) понравился «сферам». Они находятся под сильнейшим впечатлением того, что им кажется удачным и смелым натиском на революцию. Они не могут не помышлять теперь о повторении такого же натиска *заранее*, в виде предупреждения «нового обострения революционного кризиса». Царские придворные – люди военные. Перейти в наступление, взять в свои руки инициативу военных действий, – преимущество такой тактики они превосходно понимают. Бояться восстания? Но в той или иной мере оно неизбежно – рабочие забастовки, военные и крестьянские восстания *доказали* это в течение целого года. Вторая кадетская Дума создаст еще более выгодную для народа ситуацию для восстания: окончательный провал политики «военно-полевого либерализма», утомление населения репрессиями и т. д., и т. д. Если «новое обострение революционного кризиса» неизбежно, то *мы* должны напасть первые, – так рассуждает Игнатьев, наверное, так. И он нападет, – царь отменит накануне выборов избирательный закон 11-го декабря и издаст новый закон, *обеспечивающий* черносотенный состав Думы.

Мы не имеем претензии быть пророками и учесть все возможные исходы из теперешнего, очень сложного политического положения. Но социал-демократия обязана строго взвешивать тенденции всех действующих в политике сил, чтобы разумно направлять свою тактику. Такое взвешивание приводит к непреклонному выводу: рабочие! будьте готовы к тому, что правительство введет ко времени выборов черносотенный избирательный закон! Крестьяне! знайте, что правительство обдумывает план изменить порядки выборов так, чтобы крестьянские депутаты, чтобы трудовики *не могли* попасть в Думу!

Мы не должны позволить правительству захватить себя врасплох. Мы должны повести самую энергичную агитацию в массах с разъяснением грозящей опасности, – мы должны рассеивать наивную веру в прочность избирательного закона, как «конституционного» учреждения, – мы должны разрушать конституционные иллюзии, – мы должны напоминать примеры европейских революций с их частыми изменениями избирательных законов, – мы должны всеми силами развивать сознание того, что обостряющийся теперь кризис есть не парламент-

ский, не конституционный, а революционный кризис, который решит только сила, который распутает только победоносное вооруженное восстание.

«Пролетарий» № 5, 30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

К вопросу о партизанской войне^[18]

Мы считаем эту резолюцию принципиально правильной и отмечаем солидарность ее с положениями, которые мы развили в статье «Партизанская война». В самый текст резолюции мы бы предложили только несколько второстепенных поправок и дополнений. В п. 3 мотивов мы бы сказали: «революция, не будучи в силах *в данный момент*» и т. д. В собственно-резолютивной части мы бы добавили отрицание «эксов», согласно постановлению съезда, затем указание, что партизанские выступления необходимо сообразовать с настроением широких масс и с условиями рабочего движения. Ясно впрочем, что московские товарищи считают это само собою понятным.

«Пролетарий» № 5, 30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Опыт классификации русских политических партий

Объединительный съезд РСДРП, как известно, уклонился от задачи классового анализа политических партий в России и определения пролетарского отношения к ним. Общее подтверждение амстердамской резолюции^[19] является не чем иным, как формой уклонения. А между тем революция требует от нас все более и более настоятельно применения марксистского метода и марксистской теории к освещению того глубокого и интереснейшего процесса образования партий, который идет в России, по понятным причинам, быстрее и острее, чем где бы то ни было.

Конечно, этот процесс далеко-далеко не закончился и не дал еще никаких вполне устойчивых результатов. Но ведь закончиться этот процесс и не может *никогда* в капиталистическом обществе, а «устойчивыми» результаты его могли бы стать лишь при застое революции, как крутой ломки всей старой политической надстройки. Поэтому откладывать задачи анализа буржуазных партий мы никак не можем, тем более, что период октябрьских свобод, с одной стороны, и период первой Думы, с другой, дали уже, несомненно, *крупные* результаты, с которыми нельзя не считаться. И открытая революционная борьба в форме стачки, восстания и т. п., и новая избирательная кампания потребуют от нашей партии ясного и отчетливого определения своих отношений к различным партиям, а это возможно лишь на основании научного, т. е. классового анализа их.

Начнем с перечня сколько-нибудь значительных политических партий (или, пожалуй, *типов*^{3{177}{178}{179}} партий) в порядке от «правых» к «левым». 1) Союз русского народа^[20], монархисты^[21] и т. п. 2) Правопорядцы. 3) Октябристы. 4) Мирнообновленцы^[22]. 5) Партия демократических реформ^[23]. 6) Кадеты. 7) Свободомыслящие^[24], радикалы^[25], безаглавцы и т. п. 8) Трудовые народные социалисты^[26]. 9) Социалисты-революционеры^[27]. 10) Максималисты^[28]. 11) Социал-демократы – меньшевики и большевики. Анархистов мы не считаем, ибо назвать их (да, пожалуй, и максималистов) политической партией было бы слишком рискованно.

³ Мы говорим о *типах* партий, во-1-х, потому, что за всеми мелкими делениями невозможно угнаться, да и не важны они (напр., отличие какой-нибудь прогрессивно-промышленной партии^[177] или диска^[178] от партии правового порядка^[179] ничтожно), во-2-х, ошибочно было бы считаться только с формально выступившими партиями, опуская вполне наметившиеся политические течения. Достаточно какого-либо малейшего изменения политической атмосферы, и эти течения в несколько недель примут форму *партий*.

^[177] *Прогрессивно-промышленная партия* возникла в октябре 1905 года в Москве; объединяла представителей крупной торгово-промышленной буржуазии и по своим политическим взглядам близко примыкала к «Союзу 17 октября». Партия полностью поддерживала политику царского правительства. В интересах буржуазии она добивалась расширения бюджетных прав Думы, более широкого экономического законодательства, некоторых реформ в области образования и суда. Аграрные требования партии сводились к защите политики Столыпина, направленной на создание опоры царскому самодержавию в лице деревенской буржуазии, кулаков. Впоследствии Прогрессивно-промышленная партия слилась с октябристами.

^[178] «Диск» («Демократический союз конституционалистов») – контрреволюционная организация; возникла в Петербурге вскоре после появления царского манифеста 17 октября; объединяла представителей крупного дворянства, консервативных слоев промышленной буржуазии и высшей бюрократии. Программа «Диска» мало чем отличалась от программы октябристов. Она признавала конституционную монархию наиболее соответствующей для России формой государственного устройства. В целях привлечения на свою сторону кулачества «Диск» демагогически заявлял, что на первое место своей деятельности ставит разрешение аграрного вопроса. Повторяя основные положения аграрной программы кадетов, «Диск» выдвигал требование увеличения площади крестьянского землепользования за счет отчуждения за выкуп земель, не имеющих хозяйственного значения для землевладельцев. В конце 1905 года «Диск» вошел в партию октябристов.

^[179] *Партия правового порядка* — контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и высших слоев бюрократии; образовалась осенью 1905 года, окончательно оформилась после опубликования манифеста 17 октября. Прикрываясь флагом «правового порядка», партия в действительности решительно выступала в защиту царского режима. Она приветствовала роспуск I Государственной думы; во время выборов во II Государственную думу вступила в блок с черносотенным «Союзом истинно русских людей», предложив войти в этот же блок и октябристам. В 1907 году партия распалась, часть ее членов отошла к октябристам, часть – к открытым черносотенцам.

Из этой пестрой вереницы партий явственно выделяется *пять* основных *типов* наших политических партий: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы. Правильность такой группировки доказывается разбором классово-природы той или иной партии.

Необходимость выделения в особый тип социал-демократии не подлежит сомнению. Это общеевропейский тип. Это в России единственная *рабочая* партия, партия *пролетариата* и по своему составу и по своей строго выдержанной пролетарской точке зрения.

Далее, не менее очевидна необходимость выделить в особый тип *трудоуиков*. Сюда относятся: «Трудовая народно-социалистическая партия», эсеры собственно и, наконец, максималисты. Они все стоят на принципиальной точке зрения «Трудового начала». Им всем свойственно стремление объединить и слить пролетария с мелким производителем в одну «Трудовую группу». Они стремятся опереться по преимуществу на крестьянство. И Государственная дума, выделив в Трудовую группу^[29] большинство крестьянских депутатов, доказала фактически, что указанным направлениям удалось (в той или иной степени) действительно положить начало политической организации крестьянства.

Правда, политические партии этого типа неизмеримо менее оформлены и закончены в своем образовании, по сравнению с с.-д. Номинально партии максималистов не существует, хотя раскол их с соц.-рев. есть совершившийся факт, документируемый самостоятельностью и литературных и террористических выступлений. В Государственной думе эсеры не образовали своей фракции, действуя за спиной *части* трудоуиков. «Трудовая народно-социалистическая партия» тоже только собирается родиться, хотя литературно она уже выступает не только в блоке с чистыми эсерами, но и вполне самостоятельно; в Думе ее лидеры тоже действовали частью вместе с эсерами, частью независимо от них. «Протоколы первого съезда партии с.-р.» (Париж. 1906) тоже показывают выступление этих трудовых народных социалистов, как особой «*группы*», которая держит себя независимо от партии с.-р. Одним словом, в этом лагере мы видим (1) конспиративную партию (с.-р.), которая совершенно не в состоянии создать сколько-нибудь устойчивой и сколько-нибудь массовой организации, – не в состоянии действовать самостоятельно под своим знаменем ни в Гос. думе, ни в литературе периода свобод; (2) *имеющую* родиться легальную партию (тр. н.-с), которая выступила, как группа, на съезде с.-р. (декабрь 1905 г.), не будучи до сих пор в состоянии даже начать образования массовой организации и действуя в литературе и в Гос. думе большей частью в блоке с с.-р.-ами.

Тот факт, что после двух периодов относительной свободы («октябрьский» и «думский» периоды) трудоуики продолжают оставаться все еще неоформленными политически, конечно, не может быть объяснен случайностью. Несомненно, тут влияет меньшая способность мелкой буржуазии (особенно в деревнях) к организации, сравнительно с пролетариатом. Несомненно, что идейный разброд трудоуиков тоже отражает крайне неустойчивое положение в современном обществе мелкого производителя: крайнее правое крыло трудоуиков («Трудовая народно-социалистическая партия» с гг. Пешехоновыми во главе ее) очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли; крайняя левая трудоуиков, максималисты, очень немного отличаются от анархистов.

Эти две крайности намечают, так сказать, амплитуду политических качаний трудовой мелкой буржуазии. Экономически вполне объяснимо, что именно мелкая буржуазия проявляет такую неустойчивость. Несомненно, что ближайшее будущее русской революции скорее усилит, чем ослабит, эту неустойчивость. Но, констатируя и объясняя ее, мы, разумеется, не должны забывать о громадном политическом значении партий типа трудоуиков. Действительная политическая свобода *всего больше* усилит *именно эти* партии, потому что при отсутствии политической свободы их способность к организации слабее, чем у буржуазии, слабее также, чем у пролетариата. С другой стороны, в такой преимущественно мелкобуржуазной и кре-

стьянской стране, как Россия, совершенно неизбежно образование идейно-шатких и политически-неустойчивых, но чрезвычайно крупных мелкобуржуазных или «трудовых» партий.

В такой стране, как Россия, исход буржуазной революции всего более зависит от политического поведения мелких производителей. Что крупная буржуазия изменит, это несомненно (она уже на две трети изменила). Что пролетариат будет самым верным борцом, этого по отношению к русским рабочим не требуется даже доказывать, после октября и декабря. Мелкая же буржуазия есть именно та переменная величина, которая определит исход. К ее теперешнему политическому колебанию между кадетским лояльным убожеством и смелой, беспощадной революционной борьбой социал-демократы должны поэтому особенно внимательно присматриваться. И не только присматриваться к этому процессу, разумеется, а также посылить влияние на него в пролетарском духе.

Пойдем далее. Необходимость выделения в особый тип кадетов несомненна. Партия демократических реформ справа от них, свободомыслящие, радикалы и т. п. слева – не более, как совершенно ничтожные ответвления. Для современной политической эпохи кадеты – самостоятельный политический тип. Его отличие от трудовика ясно. Типичный трудовик, это – сознательный крестьянин. Ему не чужды стремления к сделке с монархией, к успокоению на *своем* клочке земли в рамках буржуазного строя, но в настоящее время его главная сила идет на борьбу с помещиками за землю, на борьбу с крепостническим государством за демократию. Его идеал – уничтожение эксплуатации; только мыслит он это уничтожение по-мелкобуржуазному, и потому *на деле* из его стремления выходит не борьба со всякой эксплуатацией, а только борьба с помещичьей и крупнофинансовой эксплуатацией. Кадет – типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик. Сделка с монархией, прекращение революции – его основное стремление. Неспособный совершенно к борьбе, кадет – настоящий маклер. Его идеал – увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентарных формах. Его политическая сила – объединение громадной массы буржуазной интеллигенции, необходимой во всяком капиталистическом обществе, но, конечно, абсолютно неспособной сколько-нибудь серьезно влиять на действительное изменение порядков этого общества.

Типичный октябрист – не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он – не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он презирует всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на «демократизм». Это – буржуа-делец. Он тоже стремится, как и кадет, к сделке с монархией, но понимает под этой сделкой не ту или иную политическую систему, не парламентаризм, а соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливого, тупоумного и азиатски-продажного русского чиновника. Октябрист, это – кадет, который применяет в деловой жизни свои буржуазные теории. Кадет, это – октябрист, мечтающий в свободные от грабежа рабочих и крестьян часы об идеальном буржуазном обществе. Октябрист немножко еще научится парламентарному обхождению и политическому лицемерию с игрой в демократизм. Кадет немножко еще научится деловому буржуазному гешефтмахерству, – и они сольются, неизбежно и неминуемо сольются, совершенно независимо от того, удастся ли именно в теперешний момент и именно теперешним «мирно-обновленцам» осуществить это слияние.

Но не будем говорить о будущем. Наше дело – научиться понимать настоящее. При сохранении всей полноты власти за шайкой придворной сволочи совершенно естественно, что одни уже демократические фразы кадетов и их «парламентская» оппозиция служили *на деле* гораздо больше элементам, левее их стоящим. Естественно и то, что октябрист, непосредственно враждебный этим элементам, сердито отстраняется от кадета и поддерживает (на выборах в первую Думу) правительственных черносотенцев.

Черносотенцы образуют последний тип наших политических партий. Они хотят не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. В их интересах – вся та грязь, темнота и продажность, которые процветают при всевластии обожаемого монарха. Их сплачивает бешеная борьба за привилегии камарильи, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России. Защита во что бы то ни стало теперешнего царского правительства сплачивает их сплошь да рядом с октябристами, и поэтому относительно каких-нибудь правопорядцев так трудно сказать, где тут кончается черносотенец и где начинается октябрист.

Таким образом, русская революция в самое короткое время наметила крупные типы политических партий, соответствующие всем основным классам русского общества. Мы имеем партию сознательного, социалистического пролетариата, – партии радикальной или радикальничавшей мелкой буржуазии и в первую голову сельской, т. е. крестьянства, – партии либерально-буржуазные, – партии реакционно-буржуазные. Несоответствие политических образований экономическим, классовым делениям состоит только в том, что двум последним группам противостоят не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы. Но это несоответствие вполне объясняется временными особенностями переживаемого момента, когда чрезвычайно обострилась революционная борьба, когда практически крайне трудно отделить защиту самодержавия от защиты во что бы то ни стало монархии, когда группировка по экономическому признаку (за прогрессивный и за реакционный капитализм) естественно перекрещивается политической группировкой (за теперешнее правительство и против него). Но родство кадетов и октябристов слишком очевидно, и неизбежность образования крупной и «деловой» либерально-буржуазной партии едва ли может быть кем-либо оспариваема.

Итог: процесс образования политических партий в России дает самое блестящее подтверждение теории марксизма.

* * *

P. S. Статья написана до раскола в «Союзе 17-го октября». Теперь выход Шилова и предстоящее образование умеренно-либеральной партии (левые октябристы, мирнообновленцы и правые кадеты) окончательно обещают свести все русские политические партии к четырем основным типам всякой капиталистической страны.

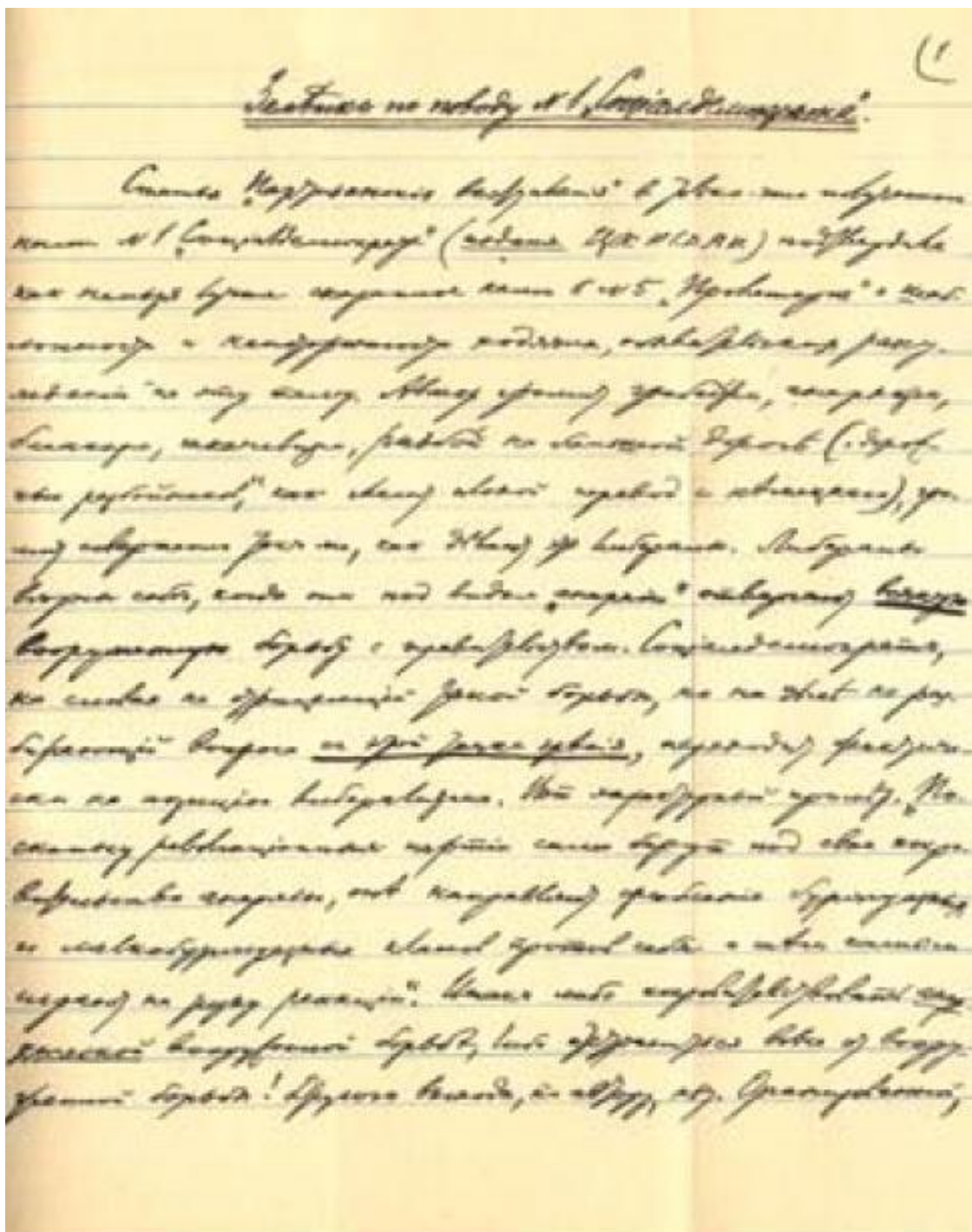
«Пролетарий» № 5, 30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Заметки по поводу № 1 «Социал-демократа»^[30]

Статья «Партизанские выступления» в только что полученном нами № 1 «Социал-Демократа» (*издание ЦК РСДРП*) подтвердила как нельзя лучше сказанное нами в № 5 «Пролетария»^[31] о шаблонности и неисторичности ходячих, обывательских рассуждений на эту тему⁴. Автор громит грабежи, анархизм, бланкизм, ткачевизм^[32], разбой на большой дороге («дорожных разбойников», как гласит плохой перевод с немецкого), громит совершенно так же, как делают это либералы. Либералы верны себе, когда они под видом «анархии» отвергают *всякую* вооруженную борьбу с правительством. Социал-демократ, на словах не отрицающий такой борьбы, но на деле не разбирающий вопроса *с этой точки зрения*, переходит фактически на позицию либерализма. Вот характерный пример. «Поскольку революционные партии сами берут под свое покровительство анархию, они направляют озлобление буржуазных и мелкобуржуазных классов против себя и тем самым играют на руку реакции». Итак, либо покровительствовать *анархической* вооруженной борьбе, либо отстраниться вовсе от вооруженной борьбы! Другого выхода, по автору, нет. Организованной, планомерной, идейной, политически воспитывающей вооруженной борьбы он *не допускает*. Какой же у него бедный выбор !

⁴ См. настоящий том, стр. 1–12. *Ред.*

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Заметки по поводу № 1 «Социал-Демократа»». – 1906 г. (Уменьшено)

«Один из видов партизанских выступлений революционеров: экспроприации частного и казенного имущества, уже похоронен жизнью». Ведь это же прямая неправда, товарищ! Не может быть, чтобы вы не знали таких меньшевистских организаций, которые после Объединительного съезда участвовали, прямо или косвенно, в казенных эксках, в «утилизации» добычи и т. п. Когда у социал-демократа слово расходится с делом, это уже совсем плохо. Это ведет к лицемерию. Это зависит либо от нечистой совести (такое объяснение мы отвергаем), либо от непродуманной, бессвязной теории.

* * *

Тов. Аксельрод сердито отвечает нам в «Социал-Демократе» на заметку в № 1 «Пролетария»⁵. Полтора столбца петита посвящаются недоумениям, восклицаниям, уверениям, попрекам по нашему адресу за то, что мы назвали его агитацию за рабочий съезд «скрытной» от партии. Аксельрод никак не может понять, что это значит. И в то же время он сам говорит: «Я в близком будущем *воспользуюсь* ею (имеющейся у меня возможностью) для вынесения вопроса о рабочем съезде *на арену политического обсуждения*» (курсив наш). Ну, вот давно бы так! Надо было *начать* с «вынесения вопроса на арену *политического обсуждения*», а не кружкового шептанья. Тогда бы ваша агитация была партийно-правильной, открытой, достойной революционного класса. Тогда бы буржуазная пресса не могла вносить смуты в социал-демократию и ронять ее престиж, сообщая сенсационные заметки об этом кружковом шептанье и порождая тысячи недоумений. Крайне прискорбно, что даже теперь в своем запоздалом и чрезвычайно обширном «письме в редакцию» Аксельрод *обходит* суть вопроса, *ни слова* не говоря о том, какой именно съезд он предлагает, когда, на каких началах, кем созываемый, с какой именно целью. Аксельрод отделяется фразами, вроде следующей: работа по подготовке съезда окажет живительное действие на социал-демократию «как раз в той мере, в какой эта работа пропитана будет действительно социал-демократическим содержанием, т. е. поскольку кружковые интересы и фракционные счеты вытеснены будут в ней социально-политическими вопросами и задачами, имеющими самое непосредственное отношение к жизненным интересам рабочего класса».

Помилосердствуйте, товарищ! Ведь это же совсем пустышка, облеченная в важные слова. Подготовка съезда оживит социал-демократию как раз в той мере, в какой будет действительно социал-демократична! И ново и умно. «Фракционные счеты» должны быть вытеснены социально-политическими вопросами и задачами, – а различное понимание этих вопросов и задач как раз и разделило партию на фракции! Настоящая сказка про белого бычка.

А рядом Плеханов грубо и пошло инсинуирует насчет мотивов борьбы за партийный съезд и так же грубо восхваляет «счастливую мысль» Аксельрода о созыве «*как можно скорее*» рабочего съезда. Да, да... что может быть, в самом деле, счастливее той мысли, что действительно социал-демократическая работа оживляет социал-демократию?

* * *

В редакционной передовице «Социал-Демократа» читаем: «Теперь, как и после II съезда, обе фракции (большевики и меньшевики), вероятно, одинаково сильны по численности» и несколько ниже второй раз: «Теперь, как и после II съезда, обе фракции одинаково влиятельны в партии». Мысль автора ясна. В передовой статье официального «издания ЦК» она приобретает важное значение. Партия рабочего класса должна знать точно, из кого состоят ее «фракции» и как они сильны. На чем же основано мнение об их равенстве?

Одно из двух: или автор имеет в виду только русскую часть партии (плюс Кавказ), или он присоединяет поляков, латышей и Бунд^[33]. Если принять первое толкование, то, значит, автор признает громадное усиление «большинства» на счет «меньшинства» после IV (Объединительного) съезда, ибо на этом съезде было представлено около 13 000 большевиков и около 18 000 меньшевиков. Но такое толкование невероятно, ибо национальные социал-демократические партии уже больше месяца все объединились с РСДРП. Значит, надо взять второе

⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 368. *Ред.*

толкование. Тогда очевидно, что автор относит поляков и латышей к большевикам, а *Бунд* к меньшевикам. Считая, по данным последних съездов национальных социал-демократических партий, около 40 000 поляков и латышей, около 33 000 членов Бунда, мы получим тогда действительно приблизительное равенство обеих фракций.

Но, спрашивается, правильно ли отчисление Бунда к меньшевикам? Конечно, если ЦК утверждает это, мы должны ему верить. Но выяснить себе значение такой группировки необходимо. В области тактики она не подтверждается взятыми в совокупности последними резолюциями Бунда. Следовательно, объяснения надо искать в *организационной* позиции Бунда. Очевидно, издание ЦК учитывает, как *реальный* факт, то обстоятельство, что Бунд не требует экстренного съезда. Кто хочет действительно изменить политику партии, как целого, т. е. политику ЦК, тот должен требовать съезда; кто не требует, тот не хочет серьезно изменять, – такова сущность этого хода мысли.

Аргументация эта неопровержима, и мы считаем своим долгом содействовать уяснению и правильной оценке ее всеми организациями нашей партии. Действительно, в демократической организации нейтралитет почти невозможен и воздержание часто равняется действию. Результат этого «действия» налицо. Издание ЦК пропагандирует самые смутные идеи насчет «рабочего съезда» и занимает определенно и последовательно меньшевистскую позицию в тактике. Какими последствиями грозит это для всей партии на случай выборной кампании или новых призывов к выступлениям, достаточно показали «лозунги» ЦК во время Думы и после ее разгона. Своим теперешним «воздержанием» Бунд действительно сделал себя соучастником меньшевистской тактики и политики ЦК.

Написано в начале октября 1906 г.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по рукописи

Русский радикал задним умом крепок!

В «Товарище»^[34] от 20-го сентября помещен чрезвычайно поучительный «разговор» кадета с неким более левым политиком (трудовиком?), выражающим точку зрения сотрудника этой газеты, г-на В. В. Х—ова. Вот как радикал отчитывает кадета:

«Разве не наоборот?» – спрашивает он кадета, ораторствующего о том, что только уверенность в своем праве способна создать силу. «Не сила дает уверенность в ненарушимости права?» «Деятельность вашей партии... я считаю политическим донкихотством... Вы укрепили фикции»... «Виноваты ваши конституционные иллюзии... То, что вы говорили и как говорили, создавало чрезмерную веру во всемогущество Думы. А это не способствовало накоплению общественных сил... Мне хотелось всегда, когда я слушал ваши думские и внедумские речи, чтобы вы перестали считать Думу конституционным органом, а видели бы в ней лишь орган общественной воли, которая воюет с другою волею... Положение дела больше всего требовало организации своих сил... Дума должна была все усилия употребить к тому, чтобы самой создать аппарат, которого не дал ей закон... Вы обнаруживаете свою ахиллесову пяту – конституционные иллюзии... Я всегда убеждался лишь в том, как прочно въелись в вашу партию конституционные фикции... Я браню (вас, кадетов), так как вы переставали чувствовать себя борющейся стороной, а являлись какими-то ликвидаторами борьбы. Вы предлагали, между прочим, то, что в других странах явилось уже в результате борьбы сторон».

Не правда ли, какие поучительные речи? Напрасно только наш бравый бернштейнинец^[35] «вывел» очень уже глупого кадета, чтобы побить его в «разговоре». Есть все-таки поумнее. Есть такие, которые следят внимательно за меньшевистской литературой и особенно за писаниями Плеханова. Такой кадет иначе отвечал бы своему собеседнику.

Он сказал бы: мой милый радикал! *Qui prouve trop, ne prouve rien*. Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. А вы доказываете, несомненно, *слишком* многое с точки зрения вашей собственной позиции. Не вы ли поддерживали нас на выборах в Думу и боролись с бойкотистами? А ведь выборы *обязывали*. Эти выборы *целиком* шли под знаком того, что вы теперь называете «конституционными иллюзиями» (фи! фи! не начитались ли вы большевистских произведений?). Ведь я бы мог показать вам, милейший радикал, такое местечко – и не одно! – в вашей собственной газете «Товарищ», где вы (не вы непременно лично, а ваши единомышленники) уверяли доверчивого русского обывателя, что дурным министрам придется уйти в отставку, если победит на выборах партия «народной свободы». А? Что? Вы забыли это, мой милый радикал? А мы это помним, очень хорошо помним. Нельзя было выбирать, почтеннейший, не давая обещаний быть лояльным, не клянясь применять одни только конституционные приемы борьбы. А мы, мы, партия народной свободы, мы даем обещания только для того, единственно для того, чтобы их выполнять!

Вы говорите, что мы слишком верили во всемогущество Думы, что это не способствовало накоплению «собственных» сил? Но прочтите же, бога для, что писал Плеханов, писатель, для вас безусловно авторитетный. Ведь именно вы, ваши единомышленники, а отнюдь не кадеты, любят заявлять в интимных разговорах, что они, собственно, совсем, совсем социал-демократы и объявили бы себя таковыми, если бы... если бы социал-демократия целиком встала на точку зрения Плеханова. А не Плеханов ли говорил на Объединительном съезде РСДРП, что кричать о конституционных иллюзиях могут только анархисты? Не Плеханов ли предлагал резолюцию, в которой Дума не только названа была *властью* — и это название утверждено Объединительным съездом с.-д.!! – но притом властью, «самим царем вызванною к жизни и законом утвержденною»? Не Плеханов ли писал в почтенном органе меньшевиков, – а ведь вы, господа из «Нашей Жизни»^[36], всегда хвалили эти тенденции меньшевиков! – что наибольшее агитационное значение имеет органическая работа в Думе? И вы рукоплескали Плеханову, вы

печатно восторгались его «мужеством» (да! да! вы выражались именно так!) в борьбе с «бланкизмом»! Вы в буквальном смысле слова не износили башмаков с тех пор, как все это было, и вы уже повторяете сами печальные бланкистские заблуждения!!

Если бы кадет стал защищаться таким образом, его защита превратилась бы в нападение, и радикал был бы разбит наголову...

Этот радикал напоминает своим теперешним партизанским выступлением против конституционных иллюзий того героя народного эпоса, который кричал: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии. Подумайте, в самом деле: когда важна была и насущно необходима борьба с конституционными иллюзиями? Очевидно, тогда, когда они процветали и могли приносить, приносили на деле, *широкий* вред, соблазняя всяческих «малых сих». Другими словами: тогда, когда широкой массе могло и *должно было* казаться, что конституция есть, а на самом деле никакой конституции не было. Именно такое время было в период выборов в первую Думу и в течение заседаний Думы, т. е. в марте – июне 1906 года. Именно тогда конституционные иллюзии и принесли *широкий* вред. Но тогда с ними боролись систематически одни только большевики с.-д., плывя против течения. Тогда гг. Х—овы и прочие писатели из «Нашей Жизни» *поддерживали* эти иллюзии, «воюя» с большевиками, браня их за резкую критику кадетов.

Теперь Дума разогнана. Кадеты разбиты. Никому и не кажется, что конституция есть. Теперь даже не очень благородные животные могут лягать кадетов («я браню их» – смотри «разговор») и через четыре слова на пятое проклинать конституционные иллюзии. Эх, господа радикалы! Дорого яичко в христов день!..

Пример гг. Х—ова и К^о поучительный образчик того, как люди, считающие себя образованными политиками и даже свободомыслящими или радикалами, беспомощно и безыдейно, дрябло и бессильно, плывут по течению. В марте – июне 1906 г. они поддерживают конституционные иллюзии, называя Думу властью, волочатся в хвосте кадетов, брезгливо морщат нос по поводу беспощадной критики этой модной тогда партии. В сентябре 1906 г. они «бранят» кадетов и «воюют» с конституционными иллюзиями, не понимая, что они опять отстали, что теперь недостаточно этого, а нужен прямой призыв к определенной (предыдущим историческим развитием определенной) форме революционной борьбы.

Хорошо было бы, если бы на примере таких господ русская интеллигенция, рождающая массу подобных хлюпиков, научилась сознавать весь вред оппортунизма. Напрасно считают у нас нередко это слово «просто бранью», не вдумываясь в его значение. Оппортунист не предает своей партии, не изменяет ей, не отходит от нее. Он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его типичная и характерная черта – податливость настроению минуты, неспособность противостоять моде, политическая близорукость и бесхарактерность. Оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву ее минутным, преходящим, второстепенным интересам. Некоторый подъем промышленности, сравнительное процветание торговли, легкое оживление буржуазного либерализма, – и оппортунист уже кричит: не запугивайте буржуазии, не чурайтесь ее, бросьте «фразы» о социальной революции! Собралась Дума, повеяло полицейско-конституционной «весной», – и оппортунист уже называет Думу властью, торопится проклясть «пагубный» бойкот, спешит выдвинуть лозунг о поддержке требования думского, т. е. кадетского, министерства. Отхлынула волна, – оппортунист так же искренне и так же некстати начинает «бранить» кадетов и разносить конституционные иллюзии.

Никакая выдержанная политика, достойная истинно революционного класса, стойко ведущая через все мелкие уклонения и колебания к подготовке решительного и беззаветно-смелого сражения с врагом, невозможна при господстве подобных интеллигентских настроений. Вот почему сознательный пролетариат должен уметь критически относиться к становящейся на его сторону интеллигенции, должен научиться беспощадной борьбе с оппортунизмом в политике.

*«Вестник Жизни» № 12, 18 октября 1906 г. Подпись: **Н. Ленин**
Печатается по тексту журнала «Вестник Жизни»*

К итогам кадетского съезда^[37]

Мы не раз уже выясняли, что борьба самодержавия с пролетарско-крестьянской революцией неизбежно обрушивается и на либеральную оппозицию. Раз молчит пролетариат, правительство погромщиков не упустит, конечно, случая придушить и кадета. Оно душит теперь мирнообновленца. Оно не особенно милостиво поглядывает теперь даже и на октябриста. И если благодаря военно-полевому правосудию даже смолкнет временно треск браунингов и бомб и классическое «руки вверх!» прекратит свою переключку, – то это нисколько не будет, конечно, порукой тому, что кадет и мирнообновленец обретут, наконец, вождельный покой легальной, конституционной борьбы.

Могло казаться, что в результате бешеной реакции руководящие круги либеральной оппозиции окажутся отброшенными далеко влево. Разгон Думы подорвал в корне конституционные иллюзии. Нет такого соотрудника «Товарища», или «Столичной Почты»^[38], который не понимал бы теперь этого. Гибель кадетской прессы (всей провинциальной и значительной части столичной), запрещение съезда, отказ в легализации партии, предание суду всех, подписавшихся под выборгским воззванием^[39], должны были, казалось, принудить кадетов покинуть точку зрения организации общественного мнения и стать, наконец, на точку зрения организации общественных сил. И дальше, казалось, что если у кадетских вождей не хватит героической решимости гордо уйти в подполье, то армия тут же, на месте, покинет этих вождей.

Кадетский съезд показал, что эти расчеты неверны. Пока что, во всяком случае. Съезд санкционировал, не совсем охотно, правда, тот «шаг на месте», или, вернее, «ни шагу с места», которое предложил ему центральный комитет. Съезд принял резолюцию об организации общественных сил, но резолюцию совершенно платоническую, решительно никого ни к чему не обязывающую, совершенно не указывающую даже того дела, для которого и в котором эти силы могут и должны сорганизоваться. Съезд принял, – правда, сравнительно незначительным большинством, – знаменитый 4 пункт тактической резолюции, провозглашающий пассивное сопротивление партии тому пассивному сопротивлению, которое стихийно нарастает в народных низах, и которое рекомендует выборгское воззвание. Съезд закончился, как съезд единой, нераздельной «партии народной свободы».

И так оно, несомненно, и должно было быть. Час раскола кадетской партии еще не пробил. Если классовые противоречия успели уже безвозвратно втиснуть в рамки явной контрреволюции широкие слои крупной буржуазии, то они не успели еще разложить в достаточной степени широкие слои той средней и мелкой буржуазии, которая голосовала за кадетов на выборах. Нет, пока что, объективных признаков того, что обывательскую провинцию охватил перед лицом революции тот буржуазный страх, который безраздельно овладел уже «заплечными гуманистами» гучковского пошиба.

Разложение это идет быстро вперед. И сами кадетские вожди не уверены, конечно, в том, что созданный ими пестрый блок «народной свободы» выдержит искус обостряющейся социально-политической борьбы.

В российской революции, несомненно, должен быть тот роковой предел, за которым раскол этого блока будет решительно неизбежен. Он будет достигнут и перейден тогда, когда водоворот *пролетарско-крестьянского* восстания безвозвратно втянет в себя самые широкие слои мелкой, а частью и *средней* городской буржуазии. Тогда, но только тогда, от огромного кадетского блока действительно останется только та имущая средняя буржуазия, которой несомненно на роду написано разделить в конце концов с г. Гучковым его буржуазный страх. Тогда рассеется тот призрак национальной революции, который все еще так силен теперь и который многим мешает должным образом оценить поистине гигантскую творческую роль классовых противоречий в российской революции. На этом пределе огромная политическая партия,

базирующаяся на организации общественного *мнения*, станет давно изжитым анахронизмом, а все элементы действительно массового движения, как справа, так и слева, отведут силе, голой материальной силе, ту великую не только разрушительную, но и творческую роль, без которой немислимо, конечно, действительное завершение революции. Но там, где материальная сила вступает в свои верховные права, там нет места кадетско-буржуазной гегемонии. Об этом свидетельствует все прошлое нашей борьбы; не нужно быть пророком, чтобы безошибочно предсказать, что то же самое произойдет, если нам предстоит пережить новый подъем революции. Фигура кадета – «законный» участник в дележе добычи революции, – но и только.

И вот почему были объективно правы те кадетские вожди, которые предлагали признать выборгское воззвание просто ошибкой увлечения, поскольку это воззвание *непосредственно* призывает к тактике пассивного сопротивления. Ибо при теперешней напряженности борьбы нет и не может быть такого массового пассивного сопротивления, которое не переходило бы непосредственно в активное наступление. Г-н Струве вполне прав, говоря, что такой культурный способ борьбы (в противоположность, извольте ли видеть, способу чисто революционному, наступательному) уместен только против культурного, конституционного правительства. Кто усомнится хоть на минуту в том, что столыпинская банда двинет свои карательные экспедиции при первых же признаках массового неплатежа податей и массовой недачи рекрутов. А кто остановит тогда население от перехода к обороне, к активному наступлению с оружием в руках?

И выборгское воззвание, даже в самый момент его подписания в чисто кадетском понимании, было в лучшем случае угрозой такого перехода по адресу правительства, а вовсе не практическим лозунгом. И гг. Милюковы и Струве вовсе не ответственны в данном случае за политическую наивность тех провинциальных кадетов, которые приняли это воззвание за практический лозунг. Судьба возвания в провинции свидетельствует об этом. Терроризированная пресса говорила об этой судьбе очень мало и очень глухо, но то, что она говорила, показывает, кажется нам, что партия «народной свободы», как партия, усиленно практиковала провозглашенный этим возванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же возванию. Раз это так, то съезд мог только закрепить эту позицию кадетов. Побушевавшее было против этого закрепления меньшинство съезда в конце концов сдалось и осталось в партии.

А из глубины страны каждый день приходят вести о том, что идея пассивного сопротивления нашла себе отклик среди народных масс. Неплатеж податей, недача рекрутов, бойкот властей начинают становиться действительно практическим лозунгом. Никто не закрывает глаз на те огромные организационные пробелы, при которых нарастает это движение. Никто не оспаривает неизбежность хаотичности в нем. Но этот хаос создает порядок – порядок революции, эту высшую ступень хаотических, стихийных народных взрывов. Ненависть, которая кипит теперь в народных массах под гигантским давлением военно-полевой конституции, не может не прорываться и действительно прорывается то здесь, то там вспышками открытой вооруженной борьбы. У нас нет данных, на основании которых можно было бы безошибочно предсказать, что в момент набора и сбора податей вспыхнет общенародное восстание, хотя бы даже в форме чисто пассивного сопротивления, но что проявления этой борьбы будут, это неизбежно. И кадеты своевременно отходят в сторонку. «Совесть не позволяет санкционировать эту опасную экспертизу», заявил кадетский съезд устами г-жи Тырковой, члена центрального комитета партии.

Но ссылка на совесть не меняет, конечно, дела. Если бы надвигающиеся события даже с математической точностью говорили бы о близком торжестве народной революции, руководящие круги кадетов не отнеслись бы к делу иначе. Все прошлое кадетской партии поручкой тому, и переговоры с погромщиками о министерских портфелях были кульминационным пунктом в истории кадетской партии; они были для нее объективно несравненно характер-

нее, чем выборгское воззвание. И один из авторитетнейших представителей партии, профессор Гредескул, самым определенным образом свидетельствует нам об этом («Речь» № 180)^[40]: «Мы жили с нашим народом, – говорит он, – мы делили его бурные порывы». Но это было время «бурной, горячей юности»; теперь пришло время «упорной и настойчивой зрелости». А палладиум этой зрелости – избирательная кампания, с ответным адресом Думы на тронную речь в виде платформы.

«Бурных порывов» кадетская партия никогда с народом не делила и не могла делить, почтенный профессор просто сболтнул это для красного словца. Но кадетская партия, в лице ее съезда, не ушла и вправо. Она осталась на месте. Она по-прежнему намерена принимать участие в переживаемом революционном кризисе лишь постольку, поскольку он может выродиться в кризис *чисто парламентский*.

Мы можем только приветствовать ту определенность, ту ясность, которую съезд придал своим постановлениям в этом смысле. Конечно, он должен сильно разочаровать тех, которые видели в выборгском возвании «начало левения» кадетов и яркий признак складывающегося национального характера российской революции.

Заявив, что он мыслит революцию лишь как парламентскую борьбу, съезд тем самым поставил ребром перед широкой массой демократии вопрос об открытой борьбе за власть. Весь ход российской революции говорит за то, что демократия ответит на этот вопрос не по-кадетски. И социал-демократия должна готовиться к тому, чтобы к моменту этого ответа городская и деревенская беднота нашла именно в ней, в социал-демократии, своего естественного гегемона в периоде революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Кадеты — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

2.

«Беззаглавцы» — полукadetская, полуменьшевистская группа русской буржуазной интеллигенции (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский, В. В. Португалов, В. В. Хижняков и др.), сложившаяся в период начавшегося спада революции 1905–1907 годов. Свое название группа получила по издававшемуся в Петербурге в январе – мае 1906 года под редакцией Прокоповича политическому еженедельнику «Без Заглавия»; позже «беззаглавцы» группировались вокруг левокадетской газеты «Товарищ». Прикрываясь своей формальной беспартийностью, «беззаглавцы» являлись проповедниками идей буржуазного либерализма и оппортунизма, поддерживали ревизионистов российской и международной социал-демократии.

3.

Кишиневский погром — один из самых кровавых еврейских погромов в царской России, организованный царским министром внутренних дел В. К. Плеве в апреле 1903 года. В результате погрома было убито и ранено несколько сот человек, разрушено и разграблено свыше тысячи квартир.

4.

Кавказская экспроприация была произведена в городе Душете Тифлисской губернии. В ночь на 13 (26) апреля 1906 года шесть вооруженных лиц, одетых в форму солдат расположенного в Душете пехотного новобаязетского полка, проникли под видом караула в местное казначейство и захватили 315 тысяч рублей.

5.

Бланкизм — течение во французском социалистическом движении, возглавлявшееся выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма — Луи Опостом Бланки (1805–1881). Бланкисты ожидали «избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора

небольшого интеллигентного меньшинства» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 76). Подменяя деятельность революционной партии выступлениями тайной кучки заговорщиков, они не учитывали конкретной обстановки, необходимой для победы восстания, и пренебрегали связью с массами.

6.

«Новое Время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», — писал он, — стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251).

7.

Имеется в виду газета «Zihna» («Cīna») («Борьба») — центральный орган латышской социал-демократии; основана в марте 1904 года. Выходила нелегально в Риге с большими перерывами до августа 1909 года, а затем — за границей. В 1910 году в связи с выходом сотого номера газеты в ней была опубликована статья В. И. Ленина «Юбилейному номеру «Zihna»», в которой дана высокая оценка революционной деятельности латышских социал-демократов (см. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 235–238). Газета публиковала также ряд партийных документов, написанных Лениным. Среди активных и постоянных сотрудников газеты были один из организаторов Коммунистической партии Латвии П. И. Стучка, народный поэт Я. Райнис и др.

8.

ППС — Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna) — реформистская националистическая партия, созданная в 1892 году. Выступая под лозунгом борьбы за независимую Польшу, ППС, возглавляемая Пилсудским и его сторонниками, вела сепаратистскую, националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной с русскими рабочими борьбы против самодержавия и капитализма.

9.

Речь идет о письме А. И. Гучкова «Ответ князю Е. Н. Трубецкому», напечатанном в газете «Русские Ведомости» № 224, 10 (23) сентября 1906 года.

10.

Всероссийская октябрьская стачка — всеобщая политическая стачка в России в октябре 1905 года, явившаяся одним из важнейших этапов революции 1905–1907 годов. Стачка была подготовлена всем предшествующим ходом революционной борьбы пролетариата в 1905 году. Прологом к Всероссийской октябрьской стачке послужили сентябрьские стачки в Москве, охватившие все крупнейшие предприятия города. 6(19) октября собрание представителей большевистских организаций Казанской, Ярославской и Курской железных дорог в соответствии с указанием Московского комитета большевиков постановило начать 7 (20) октября забастовку железнодорожников. Вскоре забастовка перекинулась на все

железные дороги страны, почту и телеграф, фабрики и заводы. Стачка стала всероссийской; к бастующим рабочим присоединились мелкие служащие, студенты, адвокаты, врачи и др. В стачке приняли участие рабочие различных национальностей России. «Всероссийская политическая стачка, — писал Ленин, — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской» (Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 2). Число стачечников превысило два миллиона человек. Октябрьская стачка проходила под лозунгами свержения самодержавия, активного бойкота булыгинской Думы, созыва учредительного собрания и установления демократической республики. Стачка сопровождалась массовыми митингами и демонстрациями, которые нередко перерастали в вооруженные столкновения с полицией и войсками. В ходе Всероссийской октябрьской стачки во многих городах страны возникли Советы рабочих депутатов. Рожденные революционным творчеством рабочего класса, Советы создавались вначале для руководства экономическими и политическими стачками; в ходе борьбы они превратились в органы подготовки восстания и являлись зародышем новой власти. Создание Советов было величайшим историческим завоеванием рабочего класса.

11.

17 (30) октября 1905 года, в дни наивысшего подъема Всероссийской октябрьской политической стачки, был опубликован царский манифест. В манифесте царь обещал «гражданские свободы» и «законодательную» Думу. Манифест был политическим маневром самодержавия, смысл которого состоял в том, чтобы выиграть время, расколоть революционные силы, сорвать стачку и подавить революцию. Оценивая обстановку, в которой появился манифест, В. И. Ленин писал: «Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний» (Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 3–4). Манифест был уступкой, вырванной у царизма революцией, но эта уступка отнюдь не решала судьбу революции, как утверждали либералы и меньшевики. Большевики выступили с разоблачением подлинного содержания манифеста. 18 (31) октября 1905 года ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу!», в котором разъяснял всю лживость царского манифеста и призывал к продолжению борьбы. «Забастовка нам еще нужна, — говорилось в воззвании, — нужна, чтобы враги видели, что нас нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите иметь действительные права и действительную силу» («Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905–1907 гг.», ч. 1, М., 1956, стр. 185).

12.

Октябристы — члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

13.

Речь идет о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 года. Московская общегородская конференция большевиков 5(18) декабря 1905 года, выражая волю рабочих, решила объявить всеобщую забастовку и начать вооруженную борьбу. По призыву Московского Совета 7 (20) декабря началась всеобщая политическая забастовка. В первые же два дня в Москве

бастовало свыше 150 тысяч человек. На заводах и фабриках устраивались многочисленные митинги, на улицах – демонстрации. Начались столкновения с казаками и полицией. Спешно мобилизуя силы, власти переходили в наступление. Пролетариат ответил на действия властей возведением баррикад. 10 (23) декабря стачка переросла в вооруженное восстание. Центрами восстания стали Пресня, Замоскворечье, Рогожско-Симоновский район и район Казанской железной дороги. Борьба длилась девять дней. Пресня стала главной крепостью восстания, ее центром; здесь были сосредоточены лучшие боевые дружины рабочих Москвы. Московские рабочие сражались самоотверженно, но у восставших не было еще опыта вооруженной борьбы, не хватало необходимого оружия, недостаточно была налажена связь с войсками. В начале декабря московский гарнизон колебался, но царскому правительству удалось перетянуть его на свою сторону. В руках правительства оставалась железная дорога, связывающая Петербург с Москвой. Петербургский Совет, возглавляемый меньшевиками, был против восстания. Московское восстание не переросло в общероссийское. Руководство восстанием в целом отставало от стихийно нараставшего движения масс. В начале восстания были арестованы руководящие работники Московского комитета большевиков. Общемоосковское восстание превратилось в восстание отдельных районов. В ходе борьбы проводилась тактика обороны, а не наступления. Меньшевики и эсеры срывали развертывание боевых действий, требуя прекращения вооруженной борьбы. Капитулянтская позиция меньшевиков и эсеров способствовала поражению восстания. В Москву были переброшены царским правительством войска из Петербурга, Твери и Западного края. 17 (30) декабря начался штурм Пресни, она была залита кровью. Московский комитет партии и Московский Совет приняли решение прекратить вооруженное сопротивление с 19 декабря 1905 года (1 января 1906) с тем, чтобы сохранить революционные силы и подготовиться к дальнейшей борьбе. Вслед за Москвой в декабре 1905 года и в январе 1906 года восстания разгорелись в ряде других мест: Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Донбассе, Екатеринославе, Перми (Мотовилиха), Уфе, Красноярске, Чите. Крупные вооруженные выступления произошли в Закавказье, Польше, Прибалтике, Финляндии. Но все эти разрозненные восстания были жестоко подавлены царским правительством. Декабрьское вооруженное восстание явилось высшим пунктом первой русской революции.

14.

Речь идет о I Государственной думе (так называемой виттевской Думе), созванной 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

15.

Ленин имеет в виду совещательную Государственную думу, проект закона о созыве которой был составлен по поручению царя министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. 6 (19) августа 1905 года были опубликованы царский манифест, закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в нее. Избирательные права для выборов в Думу были предоставлены только помещикам, капиталистам и небольшому количеству крестьян-домохозяев. Из установленных законом 412 депутатских мест крестьянам предоставлялось всего 51 место. Большинство населения – рабочие, крестьяне-бедняки, батраки, демократическая интеллигенция были лишены избирательных прав; от участия в выборах устранились женщины, военнослужащие, учащиеся, лица, не достигшие двадцатипятилетнего возраста, и ряд угнетенных национальностей царской России. Государственная дума не имела права принимать никаких законов, а могла лишь обсуждать некоторые вопросы в качестве совещательного органа при царе. Ленин писал, что булыгинская Дума – «самое наглое издевательство над «народным представительством»» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 182).

16.

Закон 11 (24) декабря 1905 года — избирательный закон по выборам в Государственную думу, изданный царским правительством в разгар московского вооруженного восстания в виде некоторой уступки рабочим; закон создавал лишь видимость расширения избирательных прав.

17.

20 февраля (5 марта) 1906 года был издан закон и два указа Сенату о Государственной думе и Государственном совете. Этим законом и указами царское правительство по сути отменяло свой манифест 17 октября.

18.

Настоящая заметка была напечатана в виде приписки «От редакции» к резолюции Московского комитета РСДРП о партизанской войне, принятой в сентябре 1906 года. В пункте 3 мотивировочной части резолюции, который упоминает Ленин, было сказано: «... революция, не будучи в силах единовременным народным выступлением сломить власть, настолько, однако, сильна, что не может оставаться пассивной и стихийно переходит в партизанские нападения на врага, чего особенно следует ожидать в деревнях с наступлением рекрутского набора».

19.

Ленин имеет в виду резолюцию «Международные правила социалистической тактики», принятую Амстердамским международным социалистическим конгрессом II Интернационала в августе 1904 года. В резолюции было выражено отношение социалистов к буржуазным партиям; она запрещала социалистам участие в буржуазных правительствах и осуждала «всякое стремление к затушевыванию существующих классовых противоречий, облегчающему сближение с буржуазными партиями».

20.

«Союз русского народа» — крайне реакционная, черносотенная организация монархистов; образовалась в октябре 1905 года в Петербурге для борьбы с революционным движением. «Союз» объединял реакционных помещиков, крупных домовладельцев, купцов, чинов полиции, духовенство, городское мещанство, кулаков, деклассированные и уголовные элементы. Во главе «Союза» стояли В. А. Бобринский, А. И. Дубровин, П. А. Крушеван, Н. Е. Марков 2-ой, В. М. Пуришкевич и др. Печатными органами «Союза» были газеты «Русское Знамя», «Объединение» и «Гроза». Отделения «Союза» были открыты во многих городах России.

21.

Ленин имеет в виду членов Русской монархической партии – контрреволюционной черносотенной организации, окончательно оформившейся в Москве осенью 1905 года в целях борьбы с революционным движением. В нее входили крупные землевладельцы, царские сановники и высшее духовенство. Во главе партии стояли реакционный публицист В. А. Грингмут, протоиерей И. Восторгов, князь Д. Н. Долгоруков, барон Г. Г. Розен и др., близок к ней был крайний реакционер протоиерей Иоанн Кронштадтский. Печатными органами партии были газета «Московские Ведомости» и ежемесячник «Русский Вестник». По своему направлению Русская монархическая партия близко стояла к погромно-черносотенному «Союзу русского народа»; она выступала с защитой неограниченного самодержавия, за сохранение всех привилегий дворянства, православной церкви и великорусской

национальности. Монархисты были против каких бы то ни было законосовещательных учреждений, против созыва Государственной думы. В 1911 году партия была переименована в «Русский монархический союз».

22.

«Мирнообновлещи» — члены партии «мирного обновления», конституционно-монархической организации крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившейся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых» октябристов и правых кадетов. Лидерами мирно-обновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шипов и др. По своей программе партия близко примыкала к октябристам; защищала интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. Ленин называл партию «мирного обновления» «партией мирного ограбления», ибо ее деятельность была направлена на то, «как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить права благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья»...» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 40). В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов».

23.

Партия демократических реформ — партия либерально-монархической буржуазии; образовалась в начале 1906 года во время выборов в I Государственную думу из тех элементов, для которых программа кадетов казалась слишком левой. Ближайшее участие в руководстве партии принимали К. К. Арсеньев, И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. С. Посников и др. К концу 1907 года партия перестала существовать.

24.

«Свободомыслящие» — члены партии «свободомыслящих», малочисленной буржуазной интеллигентской группировки, возникшей в ноябре 1905 года. Своей основной задачей партия считала «поднятие нравственного и культурного уровня» русского общества. Программа «свободомыслящих» была близка к программе партии кадетов, требовала установления конституционной монархии. В аграрном вопросе «свободомыслящие» защищали отчуждение частновладельческих земель за компенсацию. После разгона II Государственной думы партия «свободомыслящих» прекратила свое существование.

25.

Радикалы-демократы — мелкобуржуазная организация; оформилась в ноябре 1905 года; занимала промежуточную позицию между кадетами и меньшевиками. Радикалы-демократы сделали попытку издавать газету «Радикал» (вышел один номер). Они выставляли требование демократической республики, хотя мирились и с конституционной монархией при условии ответственного перед парламентом кабинета министров; по аграрному вопросу высказывались за отчуждение государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель без всякого вознаграждения и за отчуждение частновладельческих земель за минимальное вознаграждение. В начале 1906 года организация радикал-демократов распалась, бывшие ее члены примкнули к полукadetским органам печати «Без Заглавия» и «Товарищ».

26.

Трудовые народные социалисты (энесы) — члены мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-

революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли» (см. настоящий том, стр. 24). Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года партия народных социалистов слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей. После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

27.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелким собственником, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению В. И. Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

28.

«Максималисты» — мелкобуржуазная полуанархистская террористическая группа, отколовшаяся от партии эсеров в 1904 году и организационно оформившаяся в «Союз социалистов-революционеров максималистов» в октябре 1906 года на учредительном съезде в Або (Финляндия). «Максималисты» игнорировали буржуазно-демократический этап революции; наряду с эсеровским требованием «социализации» земли они настаивали также на немедленной «социализации» фабрик и заводов. Считая трудовое крестьянство главной движущей силой революции, «максималисты» в то же время заявляли, что в революционном движении решающее значение принадлежит «инициативному меньшинству», а основным средством борьбы является индивидуальный террор. Отмечая политическую непоследовательность «максималистов», В. И. Ленин писал: «Выделение максималистов, которые все время в течение революции выделялись и не могли выделиться из эсеров окончательно, только подтверждало классовую неустойчивость народнической революционности» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 127). В 1907 году, после целого ряда неудачных террористических действий и массовых арестов, организации «максималистов» стали распадаться.

29.

Трудовая группа (трудовики) – группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

30.

«Социал-Демократ» — газета, нелегальный орган ЦК РСДРП; выходила в Петербурге с 17 (30) сентября по 18 ноября (1 декабря) 1906 года, всего вышло 7 номеров. Редакция газеты, избранная на IV (Объединительном) съезде РСДРП, состояла из одних меньшевиков (Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. С. Мартынов, П. П. Маслов, А. Н. Потресов). Фактически газета являлась фракционным органом меньшевиков.

31.

«Пролетарий» — большевистская нелегальная газета. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией В. И. Ленина; вышло 50 номеров. В работе редакции активное участие принимали М. Ф. Владимирский, В. В. Боровский, И. Ф. Дубровинский, А. В. Луначарский; техническую работу по изданию газеты проводили А. Г. Шлихтер, Е. С. Шлихтер и др. Первые двадцать номеров газеты были подготовлены к печати и набраны в Выборге (печатание с присылаемых матриц было организовано в Петербурге; в конспиративных целях в газете было указано, что она выходит в Москве). Затем, вследствие крайнего ухудшения условий издания нелегального органа в России, редакция «Пролетария», согласно решению Петербургского и Московского комитетов РСДРП, перенесла издание газеты за границу (№№21–40 вышли в Женеве, №№ 41–50 – в Париже).

32.

Ткачевизм — направление в революционном народничестве, близкое к бланкизму, названное по имени его идеолога П. Н. Ткачева (1844–1885). Ткачевисты считали политическую борьбу необходимой предпосылкой революции, но недооценивали решающую роль народных масс. По мнению Ткачева, революционное меньшинство должно захватить политическую власть, создать новое государство и провести революционные преобразования в интересах народа, которому остается лишь воспользоваться готовыми результатами.

33.

Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На 1 съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

34.

«Товарищ» — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге с 15 (28) марта 1906 по 30 декабря 1907 года (12 января 1908). Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. Ближайшее участие в газете принимали С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. В газете сотрудничали и меньшевики.

35.

Бернштейнианцы — представители враждебного марксизму, оппортунистического течения в международной социал-демократии, возникшего в конце XIX века в Германии и названного по имени Э. Бернштейна, наиболее открытого выразителя ревизионизма.

36.

«Наша Жизнь» — ежедневная газета либерального направления; выходила в Петербурге с перерывами с 6 (19) ноября 1904 по 11 (24) июля 1906 года.

37.

Имеется в виду IV съезд кадетской партии, состоявшийся в Гельсингфорсе 24–28 сентября (7–11 октября) 1906 года,

38.

«Столичная Почта» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с октября 1906 по февраль 1908 года. Вначале орган левых кадетов, с февраля 1907 года стала трибуной Трудовой группы. Была запрещена царским правительством.

39.

Выборгское воззвание — обращение «Народу от народных представителей», принятое на совещании 9–10 (22–23) июля 1906 года в городе Выборге, куда, после роспуска Думы, приехало около 200 бывших депутатов I Государственной думы, в большинстве своем кадетов. Текст воззвания был подготовлен созданной на этом совещании комиссией, в которую вошли кадеты, трудовики и меньшевики. Воззвание призывало население в знак протеста против роспуска Думы отказываться от уплаты налогов, не давать рекрутов, не признавать займов, заключенных без санкции Думы. Подобными мерами «пассивного сопротивления» кадеты надеялись отвести поток массового революционного движения в спокойное русло. Позднее В. И. Ленин отмечал: «В первой Думе либерализм фразерствовал о народной свободе, под сурдинку забегая с заднего крыльца к Трепову и борясь с трудовиками и рабочими депутатами. Выборгским манифестом он старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение – смотря по надобности – и в духе поддержки революции и в духе борьбы с революцией» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 49). В сентябре 1906 года на своем съезде кадеты уже открыто высказались против применения «пассивного сопротивления» и отrekliсь от призывов Выборгского воззвания.

40.

«Речь» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. До августа 1918 года продолжала выходить под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

175.

«Партийные Известия» — нелегальная газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского Центрального Комитета и меньшевистской Организационной комиссии. Газета выходила в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Всего вышло 2 номера – 7 (20) февраля и 20 марта (2 апреля) 1906 года. Редакция «Партийных Известий» была создана из равного числа редакторов большевистского («Пролетарий») и меньшевистского (новая «Искра») органов. От большевиков в редакцию входили В. А. Базаров, В. В. Боровский и А. В. Луначарский. За подписью «Большевик» в «Партийных Известиях» были напечатаны статьи Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии» (№ 1) и «Русская революция и задачи пролетариата» (№ 2). После IV съезда РСДРП издание «Партийных Известий» было прекращено.

176.

Имеется в виду «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 1–66).

177.

Прогрессивно-промышленная партия возникла в октябре 1905 года в Москве; объединяла представителей крупной торгово-промышленной буржуазии и по своим политическим взглядам близко примыкала к «Союзу 17 октября». Партия полностью поддерживала политику царского правительства. В интересах буржуазии она добивалась расширения бюджетных прав Думы, более широкого экономического законодательства, некоторых реформ в области образования и суда. Аграрные требования партии сводились к защите политики Столыпина, направленной на создание опоры царскому самодержавию в лице деревенской буржуазии, кулаков. Впоследствии Прогрессивно-промышленная партия слилась с октябристами.

178.

«Диск» («Демократический союз конституционалистов») – контрреволюционная организация; возникла в Петербурге вскоре после появления царского манифеста 17 октября; объединяла представителей крупного дворянства, консервативных слоев промышленной буржуазии и высшей бюрократии. Программа «Диска» мало чем отличалась от программы октябристов. Она признавала конституционную монархию наиболее соответствующей для России формой государственного устройства. В целях привлечения на свою сторону кулачества «Диск» демагогически заявлял, что на первое место своей деятельности ставит разрешение аграрного вопроса. Повторяя основные положения аграрной программы кадетов, «Диск» выдвигал требование увеличения площади крестьянского землепользования за счет отчуждения за выкуп земель, не имеющих хозяйственного значения для землевладельцев. В конце 1905 года «Диск» вошел в партию октябристов.

179.

Партия правового порядка — контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и высших слоев бюрократии; образовалась осенью 1905 года, окончательно оформилась после опубликования манифеста 17 октября. Прикрываясь флагом «правового порядка», партия в действительности решительно выступала в защиту царского режима. Она приветствовала роспуск I Государственной думы; во время выборов во II Государственную думу вступила в блок с черносотенным «Союзом истинно русских людей», предложив войти в этот же блок и октябристам. В 1907 году партия распалась, часть ее членов отошла к октябристам, часть – к откровенным черносотенцам.